

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФРОДИЙ БУСЛАЕВ™

КАРТА ХАОСА

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец

Карта Хаоса

«Емец Д. А.»

2008

Емец Д. А.

Карта Хаоса / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2008 — (Мефодий Буслаев)

Хаос не имеет ни границ, ни очертаний. Он огромен и вечно меняется. Там, где вчера была дорога, сегодня можно ее не искать. Именно туда Генеральный страж света Троил послал специальный отряд златокрылых, чтобы освободить незаконно захваченные эйдосы. Но светлые не смогут вернуться без карты Хаоса. Только она способна указать дорогу назад. А для этого Эссиорху, Дафне и Корнелию нужно найти девушку, которая случайно стала обладательницей этого темного артефакта. Правда, ее ищут не только они. Новая хранительница карты Хаоса – дочь Арея...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Емец

Карта Хаоса

Чтобы эффективно сражаться с Тартаром, неплохо понять его логику и тактику. Предположим, что я мрак и что существует громадный, опасный для меня алмаз-артефакт, который я не могу уничтожить, так как он вечен, прекрасен, ослепителен и я не могу даже прикоснуться к нему. Он сильнее меня. Он жжет. Самим фактом своего существования он причиняет мне дикую боль.

Если я не могу его уничтожить или сдвинуть с места, я буду пытаться его спрятать от людей. Как можно его спрятать?

1. Сотворить сотни других алмазов, подобных истинному, но из стекла и разбросать вокруг. Сделать эти «алмазы» ярче и привлекательнее истинного. Человек будет хватать фальшивку, пораженный блеском ее граней. Понимать рано или поздно, что это стекло, разбивать и хватать следующую фальшивку, которая вновь окажется стеклом. Рано или поздно человек разочаруется во всех алмазах и отвернется даже от истинного.

2. Издали закидать истинный алмаз грязью или птичьим пометом лжи.

3. Вообще попытаться сделать алмаз непопулярным камнем. Упорно и систематично утверждать, что самый истинный и дорогой камень, допустим, кварц. Вводить моду на кварц, изготавливать из него украшения и т.д. Одновременно в книгах, рекламе, анекдотах, на телевидении не слишком назойливо, но часто повторять, что нет ничего пошлее, глупее, ненужнее и смешнее алмаза. В кинофильмах делать алмаз непременным атрибутом болтливых и глупых теток, и, напротив, все молодое, сильное, достойное подражания связывать с образом кварца.

4. Внедрять сугубо прагматический подход. Повторять, что алмаз де нужен исключительно для резки стекла. Внушать человеку желание (я-то прикоснуться не могу), расколоть алмаз и использовать его составные части в быту. Как сверла, стеклорезы и т.д.

Если проводить эту линию достаточно последовательно, через несколько десятилетий можно добиться того, что люди вообще перестанут искать алмаз и окажутся в полной власти мрака.

«Лисьи фокусы», т. XXXI

Глава 1

Укус хмыря

– До чего же надоели эти сложененькие и несчастненькие! Тумана напустят, сидят и квакают! Простого хочу, нормального, честного, чтобы детей любил! – сказала княжна Мэри, со щелчком вставляя в АКМ новый магазин.

Печорин побледнел.

Предположительно М. Лермонтов

Снег местами еще лежал, сбившись в грязные глыбы, а жирная от влаги земля уже робко проклеывалась свежей травой. Наглые одуванчики высунули желтые головы и, точно разведчики, цепко и зорко оглядывали местность, соображая, в какую сторону запускать, когда придет время, белый свой десант. Молодой московский апрель вступил уже в права наследства и теперь решительно освобождался от ненужного ему барахла, оставшегося от скончавшегося дяди-марта – глубоких луж и островков грязного льда.

За окном, квелый и кашляющий, точно гриппующий поэт, бродил болезненный московский пейзаж и стучался в стекло где ранней мухой, где смешанным с дождем ветром, где тонкой березовой веткой.

Неизвестно откуда появились первые шмели. Тяжелые и слабые, в воздух они поднимались с трудом и перемещались короткими перелетами. Многие и взлететь не могли. Сидели на влажной земле, шевелили крыльями и робко грелись в лучах холодного солнца.

Ирка сидела в «Приюте валькирий» и подбрасывала дрова в печку-буржуйку. В трубе буржуйки угадывалась обычная водосточная, которую Багров приволок невесть откуда. Делая изгиб, она выглядывала в форточку, прикрытая от поддувания жестяной нахлопкой.

Из дальнего угла буржуйки выползал вонючий дымок, так как дрова были сыроваты. Из своего закутка появился Антигон с большой жестяной кружкой. Быстро взглянул на Ирку и передал кружку Багрову.

– Я просил чай в девяносто два градуса, а тут восемьдесят девять! Никакой заботы о болящем! – сказал Матвей, кашляя.

Антигон что-то пробурчал и принялся вырывать кружку, однако Багров не отдал.

– Нет уж! Буду пить ледяной! А тебя пусть совесть мучает, – сказал Матвей и, отхлебнув, принялся пальцами снимать что-то с языка. – Что это за валуны? Они шкрябают мое нежное горло!

Бакенбарды Антигона задрожали от негодования.

– Это семена малины!

– Хочешь сказать, что чай еще и с малиной? Нет, Антигон, ты точно отравитель! Но так и быть: если я умру, я тебя прощаю!

Матвей лежал на кровати, укрытый колючим красным одеялом. Если приглядеться, на одеяле можно было обнаружить смазанный штамп «горбольница психиатрическое отделение», откуда оно, собственно, и пропало. Одеяло было подарено Ирке на новый год любившей такие шуточки Бэтлой, но как-то очень скоро перешло к Багрову.

В «Приют валькирий» Матвей перебрался еще осенью, сразу от Эссиорха и Корнелия. Ирка не пустила его в холодный лодочный сарай. Зимой Багров пришел было в себя, но в марте загрипповала Ирка, а теперь вот и он.

– Вначале напустили дыма, потом дали холодный чай с кирпичами. Интересно, что будет завтра? Наденут на ноги сплошные дырки и скажут, что это шерстяные носки? – продолжал ворчать Багров.

– Ты ужасно противный больной! Я грипповала в сто раз терпеливее! – заявила Ирка. Багров недоверчиво хмыкнул.

– А кто просил два часа дуть себе на лоб, якобы потому, что он горячий? Где ты вычитала такой способ борьбы с температурой? – поинтересовался он.

Ирка смутилась.

– В какой-то книге, – быстро сказала она.

Багров склонил голову набок.

– Не верю!

– Во что не веришь?

– В существование такой книги. Полные выходные данные, пожалуйста! Автор, название, издательство, год издания?

– А в рот тебе не плюнуть жеваной морковкой? – брякнула Ирка.

– Фи! Какие странные фантазии! А еще одеяло мне передарила! – сказал Багров и, забыв про якобы раздражавшие ему горло семена малины, стал с удовольствием пить чай.

Лишь минуту спустя он опомнился и укорил Антигона, что чай уже семидесяти градусов. Того и гляди – покроется льдом.

– Не ворчи!

– Ты же первая всегда ворчишь! – сказал Багров.

– Ну и что? Я не мужчина, мне можно. И вообще, если я как следует не поворчу, как ты догадаешься, что ты передо мной кругом виноват? – проговорила Ирка.

Она была счастлива. А когда некоторые люди счастливы, они теряют ощущение реальности. Состояние легкого несчастья для создания рабочего настроения куда как полезнее.

Багров перевернул пустую кружку, поставил ее себе на лицо, закрыв рот и нос, и принялся стонать в нее. Звук получался кошмарный. Матвей был очень доволен.

– И где я только нашла этого дурака? – пробормотала под нос Ирка. Всмотрелась в Багрова и задумчиво добавила: – И, действительно, где мы с тобой познакомились?

– Не помню, – простонал в кружку Матвей.

Ирка недоверчиво сдвинула брови.

– Не помнишь?

– Я запомнил лишь твои глаза в этот миг, – сказал Багров по-прежнему в кружку и непонятно было, говорит он правду или лукавит.

«Я помню лишь твои глаза в этот миг! Как же, как же! Самый удачный способ отвечать девушке, почему ты забыл дату первой встречи и всякого такого прочего», – подумала Ирка и на этом остановилась.

Конец мысли, жуткий ее блестящий хвост, она предпочла оставить в темной и пыльной его норе. Валькирия не может быть счастлива в любви, в той эгоистичной ее части, которая только для себя, или перестанет быть валькирией. Чего уж тут непонятного? Копье валькирии – копьё правды и возмездия – не может стоять в кладовке, пока его хозяйка будет праздновать трехнедельный юбилей сорванной вместе ромашки.

Дрова в буржуйке наконец высохли и разгорелись. Тянуть гарью перестало. Ирка представила, как выглядит их домик снаружи. Подвешенный между деревьями вагончик, подняться в который можно только по веревке, с торчащей из окна дымящейся трубой.

Минувшая зима выдалась спокойной, без крупных стычек с мраком. Копье слушалось нормально, хотя всякий раз, вызывая его, Ирка испытывала тревогу. Все-таки совесть ее была не совсем чиста.

Прочие валькирии навещали ее нечасто. Несколько раз заглядывала Бэтла, притаскивающая всякий раз по рюкзаку еды. Вспомнив, что Бэтла валькирия сонного копья, Ирка решила с ней посоветоваться. Незадолго до того ей дважды приснился навязчивый сон, будто она свалилась с лодки в озеро и, чтобы не утонуть самой, выпустила из рук сразу опустившиеся на

дно шлем и копье. Потом, выбившись из сил, она спит где-то на песке, а множество мелких паучков ползали по ней и обматывали липкой паутиной.

– Снам не верь! Дохлое занятие! – сказала Бэтла, с хрустом откусывая яблоко.

– А разве свет не посылает снов? – спросила Ирка.

– Чудовищно редко. Чаще это делают другие, – ответила Бэтла. Учитывая, что рот у нее был набит, слово «другие» вышло как «жругие».

– А если сны сбываются?

– Тем более если сбываются. Представь, ты хочешь, чтобы некий человек упал в яму. Вначале ты подкладываешь ему под ноги твердые доски, а когда он утратит бдительность и станет наступать куда попало, доверяя тебе, подложишь гнилую.

Гелата заглядывала раза три. Как всегда она куда-то мчалась, спеша за день побывать в десяти местах, и у Ирки сидела совсем недолго. Едва успевала пожаловаться на своего оруженосца, в очередной раз чего-то учудившего, и рассказать одну-две новости, касающиеся остальных валькирий. Ирка давно уже усвоила, что среди воительниц света Гелата являлась своеобразной нитью, соединявшей бусины отдельных судеб в единое целое.

– Будут приставать, что два пажа для валькирии-одиночки слишком жирно, ты скажи, что Багров – паж Антигона, – заявила как-то Гелата, воззрившись на Матвея.

– Как это?

– А так. Историю учила? Вассал моего вассала не мой вассал. Вот и паж моего пажа не мой паж! Чуть что – сразу учебник истории под нос!

– Все-таки не говори никому, – забеспокоилась Ирка.

– Конечно, не скажу! – пообещала Гелата. – Что я, трепло? С этими оруженосцами вечно все через пень колоду! Вообрази: мой-то широкомордый стал примерять мои темные очки и – хруп! – выгнул дужки в стороны! Сколько они стоят он представляет? Ну, скажи, сразу нельзя было сообразить, что его рыха не пролезает?..

– Гыг!

Лицо ее оруженосца, который при этом разговоре торчал здесь же, рядом, расплылось от удовольствия и стало шире почтового ящика. Вздумай кто-то сейчас надеть на него очки, любая оправа не просто погнулась бы, но и разлетелась на куски.

– А ну не улыбайся! Ты! У тебя нет чувства юмора! – напомнила Гелата.

– И хорошо, что нет! – успокоил ее, а заодно и оруженосца, Багров.

– Чего тут хорошего?

– Если бы чувство юмора было у всех, мир превратился бы в сплошную клоунату.

Видимо, Гелата все-таки не удержала язык на предназначенном ему аэродроме за зубами, потому что уже на следующий день к Ирке явилась Таамаг, суровая как царица амазонок. После Питера она относилась к одиночке значительно лучше, что, однако, не распространялось на Багрова.

Поймав его за свитер, она подтянула Матвея к себе и, сопя ему в брови (Таамаг была на полголовы выше), предупредила:

– Заруби себе на носу, некромаг! Если из-за тебя с ней случится какая-нибудь беда, я сверну тебе шею!

– Если с ней случится какая-нибудь беда, я сам сверну себе шею, – пообещал Матвей.

Таамаг отпустила его свитер, ухмыльнулась и щелчком пальцев сбила с плеча Багрова соринку.

– На том и сговорились! Только учти: слов назад не берем! – сказала она.

Сегодняшний обед состоял из двух банок кильки в томате, которые вдобавок пришлось открывать Ирке. Багров и Антигон хорошо готовили по отдельности, но, проживая вместе, изредка устраивали друг другу демонстрации, что приводило к невеселым результатам. Две хозяйки на одной кухне – это верный обед в столовой.

Пообедав, Матвей встал, довольно потянулся и... тут это произошло. Внезапно Багров судорожно вдохнул воздух, схватился за горло и, сделавшись фиолетовым, завалился вперед. Скорчившись, он лежал на полу, подтянув к груди колени. Спина его содрогалась.

– Дышать... не... могу, – выкашлял он с усилием.

Ирка перевернула его на бок. Матвей был уже не фиолетовым, а сизым. Это было жуткое зрелище. Багровеющий багровый Багров багровело багровел багрянцем.

– Что с тобой? – крикнула Ирка.

– Ды... шшшш... а-а...

Перевернувшись на спину, Матвей судорожно дернулся, выгнулся и застыл. Глаза его остекленели.

Ирка растерялась. Метнулась в один конец комнаты, в другой. Как поступить и как помочь ему она не знала. Опыт человеческий, а не опыт валькирий подсказывал ей, что в таких случаях делают искусственное дыхание.

Ирка опустила на колени, рывком, чтобы лучше видеть, где сердце, разорвала на Багрове майку. Прильнула к груди ухом. Сердце не билось. Медлить было нельзя.

Раз за разом Ирка основанием ладоней давила Матвею на грудную клетку и вдыхала в Багрова воздух, пока внезапно не ощутила, что его губы ведут себя довольно странно и даже улыбаются. Ирка резко отстранилась. Вскочила. Матвей спешно попытался притвориться, но выдал себя неискренним стоном. Поняв, что разоблачен, Багров преспокойно сел и озабоченно стал разглядывать майку.

– И зачем было рвать? Знаешь, сколько сейчас стоит приличная майка? – спросил он с негодованием и тотчас с улыбкой добавил: – Я вот, например, понятия не имею.

Ирке все еще не понимала. Матвей больше не был ни фиолетовым, ни сизым. Выглядел вполне себе живым и умирать в ближайшее время не собирался.

– У ТЕБЯ НЕ БИЛОСЬ СЕРДЦЕ! – крикнула Ирка.

Багров смущенно улыбнулся. Валькирия-одиночка ощутила себя полной дурой. Никто не умеет притворяться лучше некромага.

– Вообще-то я своего добился. Ты меня поцеловала, – сказал он.

Ирка накинулась на него с кулаками. Бить некромага – дело дохлое, причем в самом прямом из смыслов, хотя один удар все равно прошел. Багров озабоченно потрогал скулу.

– Какая-то ты сегодня сердитая! Не иначе как Марс не в том доме. Биоэнергия прет пучками в разломы земной коры и завивается в колечки! Геомагнитное излучение в геопатогенной зоне! – сказал он, пародируя тех блеющих дурачков-астрологов, нетрадиционных целителей и иже с ними, что вечно паслись на Большой Дмитровке в надежде на продление аренды.

– Никто тебя не целовал! Я делала тебе искусственное дыхание!

Багров ухмыльнулся и облизал губы.

– Буду теперь знать, как это называется!

– В следующий раз, когда ты притворишься, я сперва проткну тебя копьём для верности, а потом уже начну приводить в чувство, – сказала Ирка.

Она повернулась, распахнула люк.

– Ты куда? – крикнул Матвей.

Ирка уже выскочила из приюта.

* * *

Девушки – существа странные. В большинстве случаев они обижаются только тогда, когда повода нет или он незначителен. Когда же повод есть, обиды обычно хватает ненадолго. Лишь до тех пор, пока это необходимо, чтобы хлопнуть дверью или произнести «пхе!» с должной степенью негодования.

Вот и Ирка, пробежав по лесу метров четыреста, остановилась. Она стояла, прижавшись лбом к березе, тяжело дышала и одновременно совершенно ясно понимала, что злится на Матвея совсем не так сильно, как ей хотелось бы.

Более того. Она совсем на него не злится и даже рада, что все так получилось. Эта ясная мысль так напугала Ирку, что она пролетела еще метров двести, после чего перешла на широкий шаг.

Сзади кто-то заохал. Оглянувшись, Ирка увидела уныло ковылявшего за ней Антигона. Запыхавшийся кикимор шел, раскачиваясь и держась за поясницу, как старый радикулитчик.

– Не так быстро, гадская хозяйка! Имейте совесть! Если вы хотите убить Антигона – то вам это почти удалось, потому что я все равно пойду за вами, – сказал он.

Ирке захотелось закричать на кикимора, чтобы хоть на ком-то сорваться, но она подумала, что кричать на невиноватых – слишком распространенный признак слабости. Если и кричать на кого-то – то лучше всего на Багрова, а еще лучше – на саму себя.

Антигон подошел и остановился.

– И куда вы сейчас пойдете? – спросил он.

– К Эссиорху, – ответила Ирка, испытывая потребность поговорить с кем-то вменяемым. Не о Багрове, это слишком личное, а вообще.

За зиму они сильно сблизились. В Эссиорхе было что-то успокаивающее, внятно-последовательное. Такими бывают те, кто не только ищет, но и нашел себя. Ирка с ее вечными метаниями очень это ценила.

* * *

К Эссиорху валькирия-одиночка собиралась добраться наземным транспортом, хитро перескочив с одной маршрутки на другую. Способ был проверенный и немало раз испытанный, однако планы на то и планы, чтобы нарушаться. Не взглянув на номер маршрутки, Ирка случайно села совсем на другую, та куда-то свернула и промчалась по длинной пустынной улице, где каменные заросли домов наблюдались только с одной стороны. С другой же тянулся грязенький весенний парк с темными мокрыми деревьями и гаражи. Пока Ирка опомнилась и крикнула, чтобы остановили, она была уже невесть где.

– Заранее надо предупреждать!

Водитель недовольно тормознул, высадив Ирку и привычно маскирующегося под младенца Антигона рядом с пустырем.

– Когда я предупреждаю заранее, мне обычно говорят, что остановиться нельзя, потому что перекресток, – задумчиво произнесла Ирка вслед выхлопному облачку отъезжающей маршрутки.

– И что теперь будем делать, жуткая хозяйка? – поинтересовался Антигон. – Телепортируем, а?

– Пешком, – упрямо сказала Ирка.

Не так давно Фулона ввела не до конца понятный запрет на телепортацию, ограничив ее только крайними случаями, и Ирка пока слушалась. Антигон уныло вздохнул. Его короткие кривые ноги плохо были предназначены для ходьбы.

Прикинув, как можно срезать, чтобы поскорее вернуться к месту, где подхватила их коварная маршрутка, они пошли через пустырь. Дальше обнаружилась узкая, в одну полосу улочка, не имевшая названия.

Ирка и Антигон остановились и начали вертеть головами.

– Неправильная маршрутка привезла нас на неправильную улицу, – пожаловалась Ирка.

Ей вспомнилось, как однажды она и еще человека три, помогая старенькой японке (полтора метра улыбочивости, увенчанные бейсболкой), пытались вспомнить, где в Москве находится улица Каровиваля, пока через полчаса не обнаружилось, что в виду имеется Коровий вал.

– Зато здесь отличные лужи! – возразил Антигон и радостно зашлепал, зачерпывая грязь ластами. Настроение у него улучшалось по мере того, как лужа становилась глубже.

Ирке пришлось делать то же самое, только уже ботинками. Вскоре улочка без названия перешла в улочку с названием, которое ровным счетом ничего не сказало Ирке. Она даже не знала, что в Москве такая есть.

– Дом десять корпус восемь! Ты когда-нибудь встречал корпус восемь? – спросила она у Антигона.

– Я даже дома десять никогда не встречал! Я умею считать только от миллиарда и выше! – отрезал кикимор, предпочитавший не заморачиваться точными величинами.

Надеясь выбраться из этих дебрей, они взяли по диагонали и снова ошиблись. Следующий выпрыгнувший им навстречу дом имел уже номер семьдесят шесть и ровным счетом никакого корпуса. Ирка озадачилась.

– Тут уже другая улица! – предположил Антигон.

– Нет тут никакой улицы! – огрызнулась Ирка. – У меня вообще такое ощущение, что Москву построили кому-то назло!

– Кому назло? – не понял Антигон.

– Мне!

С Иркой часто так бывало: скажет глупость – и тотчас бывает наказана. Вот и сейчас она проходила мимо стока для дождевой воды. Решетка была продавлена колесом неудачно проехавшего грузовика. Ирка, имевшая звездочетскую привычку не смотреть под ноги, наступила на пустоту. Падение длилось всего одно мгновение, а ступни уже встретили дно. Яма оказалась глубиной примерно по пояс.

Не успела Ирка обрадоваться, что дешево отделалась, как кто-то яростно вцепился ей в ногу. Боль была обжигающей, но всё же Ирка испугалась не раньше, чем, рванувшись, вылезла на поверхность. На ее голени висело мерзкое существо, покрытое короткой сальной шерстью. На макушке у существа были желтоватые недоразвитые рожки. Голова откидывалась точно на шарнире.

Ирка растерялась. Призвать копые она не догадалась. Вместо этого она вопила и бестолково дергала ногой в надежде, что странное существо отцепится как-нибудь само собой. Антигон оказался значительно сообразительнее. Он прыгнул на спину жуткого создания и большими пальцами деловито нажал за ушами.

– А ну открыл рот, кому говорят! Не бойтесь, хозяйка, это всего лишь хмырь! – пояснил он.

Существо поневоле разжало челюсти, яростным рывком выкрутилось и, пожелав Антигону с-с-сдох-х-хнут-ть, нырнуло в провал. Не тут-то было! Упорный Антигон ласточкой прыгнул следом, настиг и вцепился. Там в склизкой темноте, на гнилых прошлогодних листьях, завязалась короткая яростная борьба. Закончилась она полной викторией кикимора.

Не прошло и минуты, как он показался из ямы, перепачканный, с прилипшим к носу обрывком газеты, но довольный и победительный. За собой он волок хмыря, гибкие руки которого были без сантиментов завязаны морским узлом, а в открытый до предела громадный рот вставлена пустая пивная банка, найденная там же, в яме. Надо отдать ему должное, даже в таком тактически невыигрышном состоянии хмырь пытался с ненавистью мычать, ругаться и плевать.

– В человеческом мире этой дряни быть не положено! Неплохо бы его того... в кислоте растворить! А, гадкая мерзайка?! – предложил Антигон.

– Почему в кислоте? – удивилась Ирка.

– Да, окромя кислоты, ничем это чудо огородное не проймешь. Разве только вашим копьем. А так хоть картечью стреляй: любая рана за пять минут зарастет, – со знанием дела сказал кикимор.

Хмырь замычал и принялся выплевывать банку вдвое яростнее. Заметно было, что упоминание кислоты его не вдохновило.

– Что, не нравится? Вот и сидел бы тихо в своем люке, сволота лубочная! Нечего зубусы было распускать! – восторжествовал Антигон.

Ирка наклонилась и задрала штанину, не без страха взглянув на ногу. Рана была серьезной, с четко отпечатавшимися зубами. Всё же валькирии повезло. Джинсы заставили зубы хмыря соскользнуть и помешали ему вцепиться глубже. В результате получился скорее сдавленный прикус-ушиб, чем режущий укус.

– Отвратная нога! Без-образ-зная, гряз-зная, кривая! Мерз-з-кий вкус-с-с! Тьфу! Я чуть не подох-х-х! – пролаял хмырь, наконец выплюнув банку.

Антигон поднял ее, осмотрел и затолкал вновь, на этот раз глубже. Ирка ощутила острую обиду. Теперешние ее ноги были совершенно нормальные, даже красивые, но нежить хорошо знает, чем кольнуть. У созданий мрака на скрытые комплексы нюх, как на падаль. Они их чувствуют и моментально начинают отрывать лапами. Чем глубже зарываешься, тем энергичнее раскапывают, поскуливая от нетерпения, и лишь когда совсем расслабляешься и перестаешь прятать, как Улита свою полноту, беспомощно отбегают в сторону, попросту переставая видеть.

Так устроено зрение мрака, что видит только родственное себе – пятнышки гнили, слабости, любое место, в которое можно ударить. Моряк издали видит лишь моряка. Летчика же не заметит и в трех шагах, разве что он будет в форме.

Своими комплексами Ирка внутренне, сама того не подозревая, сближалась с... Петруччо Чимодановым. Когда Чимоданова фотографировали, он специально кривлялся и корчил рожи, чтобы доказать сам себе, что абсолютно безразличен к своей внешности. Другим он это успешно доказывал, а вот себе нет.

– А зачем тогда кусал, если ноги страшные? – спросила Ирка.

Хмырь перестал выплевывать банку. На его плоском лице отразилось, что он и сам этого не знает. Появилась в поле зрения нога, он и тяпнул.

– Даю клятву валькирии, что отпущу тебя, если ты ответишь мне... ну скажем, на четыре вопроса, – предложила Ирка с опрометчивым великодушием. – Согласен?

Хмырь закивал так торопливо, что круглая голова заметалась на жирных плечах, как бильярдный шар. Ирка даже забеспокоилась, не собирается ли он таким образом покончить с собой, свернув себе шею. Перестав болтать головой, хмырь с необычайной ловкостью вскинул вверх кривую ногу и пошевелил длинным и цепким большим пальцем, поджав остальные.

– Что это значит? – не поняла Ирка.

– Это значит «раз»! Ваше «согласен?» тоже было вопросом. Ишь ты, арифмометр собачий! – с невольным восхищением пояснил Антигон. – Зачем вы поклялись, жуткая хозяйка? Не надо ничем клясться! Кто много клянется – тот потом себя клянёт!

– Не вмешивайся! Я хочу узнать, что он тут делает! – сказала Ирка.

– Вы что серьезно, хозяйка? Разве можно ему верить? Надует! – возмутился Антигон, выдергивая изо рта кикимора банку. – Эй, ты! Вынь ватные палочки из ушей и слушай меня внимательно! Я сам чуток нежить и вашу породу знаю! Если не то, что ложью пахнет, но хоть тенью лжи – вместо башки у тебя будет расти моя булава. Намек был достаточно тонким?

Хмырь с ненавистью покосился на Антигона и прошипел в лицо Ирке:

– Вы обещ-щ-щали! Я ф-фсе с-с-слыш-ш-шал!

– И мою клятву ты тоже слышал? А чем же я, интересно, клялся? Твоим скальпом? – поинтересовался Антигон, красноречиво покачивая булавой на кистевом ремешке.

Хмырь заглох, устремив на булаву внимательные зрачки.

– Вопрос первый из трех оставшихся. Что ты делал в человеческом мире? – озвучила Ирка.

– Ис-с-скал! Вс-с-се наш-ши пос-с-сланы ис-с-скасть! Проч-чесать Верх-х-хнее Подземье! Там внизу ф-фсе з-з-злы, оч-чень з-з-злы! Если не найдем, ф-ф-фсем будет плох-х-хо! Будет бол-ль!

Ирка напряглась. В голосе хмыря, когда он сказал «боль», ей послышался неподдельный страх.

– Что ищут?

– Нам-м-м не с-с-сказали. Но когда кто-то найдет, он п-п-почувствует и ф-ф-фсе мы поч-ч-чувствуем! Надо оч-ч-чень спеш-ш-шить! Оч-ч-чень, чтобы они подох-х-хли! Не выбрались! – ответил хмырь и замолчал, с необыкновенным упорством продолжая наблюдать за раскачивающейся булавой.

– Последнего вопроса еще не было? «Они подошли и не выбрались» – это о ком? – встретила Ирка.

– Не было, – торопливо сказал хмырь.

– Чего «не было»? Ты вопрос-то слышал? – возмутилась Ирка.

Хмырь молчал, торжествующе скалясь треугольными зубами. Ирка запоздало сообразила, что собственный язык вновь усадил ее в лужу.

Еще Бабане внучка казалась ужасно болтливой. На деле же болтливой она совсем не была, а просто имела привычку проговаривать вслух все промежуточные мыслительные конструкции, которые более осторожные люди обычно оставляют при себе.

– Брысь отсюда! – сказала Ирка, отворачиваясь.

Однако хмырь не спешил уходить.

– Пусс-с-сть этот меня развяж-жет! Быстр-р-ро! – потребовал он у Антигона.

– Развяжи его, Антigon!

– Еще чего! Уже бегу! Может, ему еще массаж сделать и пендюкюр на ногах подстричь? Ща ему будет пендюкюр задней ластой с разворота!

– Антigon! Я обещала! – повторила Ирка настойчиво.

– Вы обещали отпустить, но не «отпустить на свободу». А отпустить-то можно и над чаном с кислотой! Э-э? Вроде как и клятву сдержим! – предложил кикимор.

Хмырь перестал скалиться и пугливо заерзал, не отрывая взгляда от булавы. Было заметно, что такие словесные игры ему совершенно не нравятся.

– Антigon! Ну пожалуйста! Очень тебя прошу! – еще раз повторила Ирка.

На этот раз кикимор повиновался. Кривясь, он развязал хмырю руки и хотел отойти, но тут хмырь закатил глазки, подогнул колени и сел на асфальт, бессмысленно тараща бараньими глазами.

– Что с ним? Притворяется? – испуганно спросила Ирка.

Антigon наклонился над хмырем и потряс его за плечо. Потом покосился на болтавшуюся на ремешке булаву и чихнул от удовольствия.

– Не, не притворяется! Маятник! Я качал булавой и его загипнотизировал! Нам повезло! Давайте, хозяйка! Спрашивайте скорее, пока контора вопросов не считает!

– Кто должен погибнуть и не выбраться?

Хмырь ответил не сразу. Казалось, вопрос пробивается сквозь толстый слой песка. Наконец он разжал челюсти и произнес картонным голосом:

– Златокрылые прорвались в Х-х-хаос. Им оттуда не выбраться. Но мы должны найти то, что ищем, первыми!

– Что вы ищете? – вновь спросила Ирка, надеясь на удачу.

Но, увы! Удача, как это уже случалось, повернулась к ней сутулыми лопатками.

– Кто найдет: уз-знает. Другие – нет. Кто будет разнюх-хивать – тому с-смерть! – повторил хмырь.

Внезапно он вздрогнул и бодро, как пружина, вскочил, оттолкнувшись от асфальта ладонями. Глаза перестали быть бараными. В них запылала обычная безадресная хмыриная ненависть.

Антигон развернул его за плечи и, не удержавшись, пинком толкнул в сток. Оттуда донеслась грязная ругань, стихшая только, когда кикимор швырнул следом подвернувшийся ему под руку кирпич. Лишь этот довод показался хмырю веским.

– Каждому уровню восприятия соответствуют свои аргументы, – задумчиво, точно проверяя эту истину на прочность, озвучила Ирка.

Она стояла на краю стока и слушала, как удаляется хмырь.

* * *

Люди творческих профессий обычно делятся на две большие группы. На тех, кто работает запойно, и на тех, кто работает ежедневно. Первых обычно считают внебрачными детьми муз, лишь для маскировки имеющими общегражданский паспорт, а вторых осуждают, как напрочь лишенных всяческого дара. Еще бы, где это видано, чтобы вдохновение приходило каждый день в одно и то же время и, оставляя в прихожей зонтик и ботинки, робко садилось на стульчик. Куда проще ожидать такого постоянства от насморочной и болтливой тетушки Графомании.

Поначалу Эссиорх причислял себя к первой группе и, нацепив на спиннинг морковку, терпеливо отлавливал Пегаса. Однако Пегас ловился как-то очень нерегулярно, и мало-помалу Эссиорх стал сторонником каждодневных последовательных и ровных усилий.

Всю зиму и начало весны он старался рисовать ежедневно, тем более что сезон был не байкерский, и мотоцикл стоял у него в комнате, постепенно завешиваясь всевозможной одеждой.

– Талант у меня маленький, и если я не буду раздувать его искру каждый день, он того и гляди погаснет, – сказал он как-то Корнелию.

Трезвое суждение о себе – единственная основа внутреннего роста. Его стартовая площадка. Другой нет и не будет. Чтобы вытащить из грязи увязшую машину, необходимо поставить домкрат на что-то твердое и незыблемое.

Корнелию тоже были известны эти азы. Он зевнул и, присев на корточки, почесал спину о ручку балконной двери. Племянник Троила вечно изобретал нестандартные движения. А сейчас у него к тому же зудели лопатки. Порой пытались прорезаться крылья, а летать в человеческом мире было особенно негде. Не над Москвой же, путаясь в электрических проводах.

– Искру таланта раздуваешь? Га-га! А ты бензинчику в него плесни! Вообрази себя, к примеру, безнадежно влюбленным, непонятым или там всеми покинутым. Кто-то мне говорил, что саможаление очень помогает творческому копушеству, – посоветовал Корнелий.

Эссиорх подошел к боксерской груше и несколько раз без силы клюнул ее левой рукой. Костяшки на руках у него были сбиты. Чаще всего это случалось, когда руки увлажнялись под защитными бинтами, а удары приходились вскользь.

– Я плохой страж, неважный художник и посредственный мотоциклист. Я пытаюсь быть всем сразу, но у меня получается быть только последовательным неудачником.

– Не скромничай! Мотоциклист-то ты не посредственный! – обнадежил его Корнелий.

– Ты просто не видел других. Слишком много талантов – почерк дилетанта. Кареглазов, к примеру, даже акварелей теперь не пишет, говоря, что нельзя размывать талант. А ведь чувство цвета у него прекрасное. Я по старым его работам это знаю.

– Ну-ну, – заявил Корнелий. – Не надо уныния! На то и правила, чтобы превращать их в сплошные исключения! Я вот, например, красив и умен. И флейту выхватываю так быстро, что потом совершенно не знаю, что с ней делать. Хорошо еще, если суккуб какой попадется.

Когда Ирка, прихрамывая, всё же добралась до Эссиорха, Корнелий где-то пропал. Эссиорх же сдвигал к окну мольберт, ловя освещение. Ирка могла часами сидеть рядом и смотреть, как он рисует. Порой она и сама бралась за кисти, но у нее не хватало терпения.

– На компьютере я нарисовала бы это в три раза быстрее! – утверждала она.

– И в четыре раза бездушнее, – обычно добавлял Эссиорх.

Вот и сейчас Ирка долго смотрела, как хранитель поочередно нюхает краски, скручивая с тюбиков колпачки.

– Каждый художник – немного токсикоман. Правильное масло отличается от неправильного не только цветом, но и запахом, – сказал он.

– А это какое? Правильное или нет?

– Пока не разобрался. Я таким раньше не работал. Запах вроде правильный, – ответил Эссиорх осторожно. Лучший способ не ошибиться в выводах – не спешить с ними.

– Слушай, можно я тебе кое-что расскажу? – вдруг спросила Ирка.

Эссиорх разрешил.

– А ведь Багров изменился! Просветлел как-то, что ли. Раньше это был роковой некромаг с тягой к домашнему хозяйству, а теперь дохлыми косточками он, вроде, наигрался, а тяга к хозяйству осталась, – сказала Ирка полувопросительно-полуутвердительно.

– Есть немного, – согласился Эссиорх. – Это только кажется, что люди меняются медленно и постепенно. Это явная обманка. Иной человек двадцать лет с одним лицом ходит – и время его не берет, а потом месяц-два – и совсем другой. Кто-то лучше становится, кто-то хуже. Лифт вверх-вниз катается.

– И что, как ты думаешь, больше всего портит мужчину?

– Многое портит. Но больше всего сытость, успех, чрезмерное здоровье, самодовольство. Зажирается человек, кабанеет. Душа жирком подергивается. В глазах, и в тех жир стоит. Спасибо хоть не бурлит.

– Да ну! Все твои хорошие люди какие-то одинаковые! Тихие такие, ходят, глазками пол подметают, – сказала Ирка.

У нее появилось настроение противоречить.

– А вот и нет, – возразил Эссиорх. – Ты опять обертку от шоколадки перепутала с шоколадкой. Они-то как раз все и разные. Просто, чтобы их яркость увидеть – надо их по меньшей мере узнать. То же, что обычно считают «яркостью» – на самом деле просто гипертрофированные следы пороков. Ну как лицо памятника у гордеца, сонливая вялость речи у лентяя, летящие капельки кислой слюны у болтуна или вытаращенные от честности глазки жулика. Мрак обожает ставить на всё свои печати. У них же, собаккеров, строгая отчетность!

Эссиорх отвлекся, опустил руку с палитрой и внимательно оглядел комнату.

– Ты чего? – спросила Ирка.

– Да привычка у меня! Когда теряю в квартире телефон – звоню на него с другого. А тут вот любимую кисть куда-то задевал и ужасно хочется позвонить самому себе на кисть. Дурдом! Жить вместе с Корнелием – это отдельная сказочка про Машу-растеряшу и про Пашу-хваташу!!

– А чего он хватает? – удивилась Ирка.

Своим неосторожным вопросом она ткнула обычно терпеливого Эссиорха точно булавкой. У того, как видно, давно накопилось.

– Да всё! Нужен ему свитер – цапает мой единственный, а мне потом приходится втискиваться в его тощий свитерок, пошитый на мелкую мартышку! Даже зубные щетки различать до сих пор не научился, хотя у меня зеленая, а у него красная! Может, он дальтоник?

Оставив Эссиорха зарывать Корнелия в песочную ямку критики, Ирка вышла на балкон. В комнате она отчего-то начала задыхаться. Облокотившись о перила, валькирия смотрела вниз, где на пяточке земли плясал у нее перед глазами куст сирени. Ирка всё надеялась, что он сейчас остановится, но не тут-то было. Чем дальше, тем куст плясал настойчивее. Неожиданно валькирия-одиночка ощутила головокружение и легкую тошноту.

Опасаясь свалиться, Ирка присела на корточки и, покачиваясь, стиснула ладонями виски. Лоб покрывала липкая испарина. В следующую минуту Ирке сильно, до спазма в желудке, захотелось жирных, с трескучим некрепким панцирем прудовых улиток и слизней. От молодых побегов водорослей она бы тоже не отказалась. А уж порыться головой в придонной мути – разве может что-нибудь сравниться с этим утонченным удовольствием?

Отняв руку от виска, она случайно посмотрела на пальцы и обнаружила, что указательный превращается в длинное маховое перо. Ирка вздрогнула, моргнула, тряхнула рукой. Навяждение исчезло, однако уже через минуту то же самое стало происходить и с другой рукой.

«Всё ясно! Я уже три месяца не превращалась в лебедя, и – вот!» – осознала валькирия-одиночка, и ей стало совсем не смешно. Когда у человека всё хорошо с пяткой – он может месяцами не вспоминать, что она у него вообще есть. Но стоит ему поймать в нее гвоздь, как ситуация в корне меняется.

Превращаться в лебедя прямо здесь, у Эссиорха, ей не хотелось. Мало ли что могла натворить крупная птица, решившая, что ее заперли в четырех стенах. В лучшем случае всё разбить, пытаться взлететь, а то и изрезаться об оконные стекла.

Ирка усилием воли загнала сущность лебедя на задворки души, в ту комнатку за сценой, где пылились несбывшиеся или отложенные желания. Лебедь внутри у нее бился и пытался расправить крылья.

Ирка вернулась в комнату.

– Я сожалею, что наговорил о Корнелии много лишнего. Прости! Я не должен был давать волю эмоциям, – услышала она голос Эссиорха.

Хранитель стоял к ней спиной и ногтем соскребал с холста присохший кусок не то клея, не то воска. Он все еще пытался разобраться в своем отношении к Корнелию. За те минуты, что Ирка оставалась на балконе, акценты немного сместились. Прежде Эссиорх ругал Корнелия – теперь же грыз себя. Ирка издала звук, который Эссиорх воспринял как «почему?».

– Ну как? Думать о незнакомых и неизвестных тебе людях плохо – дурной тон. Думать же плохо о знакомых скверно вдвойне. Человеку лишь кажется, что он говорит плохо о ком-то. На самом деле он говорит плохо только о себе.

– А-а? – переспросила Ирка, не слыша.

– Мелкий я становлюсь, без полета. Накал мысли как накал лампочки. У меня лампочка на 40 ватт. Больше не раскочегаривается, – убито пояснил Эссиорх.

С усилием попрощавшись, Ирка поплелась в коридор, по дороге ухитрившись налететь бедром на мотоцикл.

– Ты что, серьезно уходишь? Без дураков? – удивленно крикнул ей вслед хранитель.

У Ирки не хватило уже сил на ответ. Пытаясь обуться, она присела, собираясь завязать шнурки. Веребочки путались, пальцы не слушались. Дырок казалось бесконечное количество. Вдобавок Ирка поняла, что разучилась завязывать бантик. Простая конструкция из двух шнурков казалась ей теперь сложнее, чем в далеком детстве.

Кое-как справившись, она почти поднялась, когда на нее волной нахлынули возвратившиеся тошнота и головокружение. Пленный лебедь внутри отчаянно рванулся. Ирка попыталась удержать его, но не успела.

Упав на пол, она поджала под себя колени, вытянула стремительно удлинявшуюся шею и забилась в одежде, ставшей вдруг слишком просторной и одновременно тесной. Когда минуту спустя привлеченный шумом Эссиорх выглянул в коридор, то обнаружил лебедя, который, запутавшись в светлой вельветовой куртке, рвался из нее, рискуя сломать себе крыло. Заметив Эссиорха, лебедь вытянул шею и угрожающе зашипел.

Следующие дни стали для Ирки сумбуром, какой оставляют в памяти быстро забывающиеся тревожные ночные сны. Она не знала, ни кем была, ни что с ней происходило. То она старалась взлететь и билась о потолок, то врезалась клювом в стекло и, не понимая, что это, испытывала обиду и недоумение. То куда-то ползла, то что-то глодала, то ей досаждали блохи и она пыталась выгрызть этих мелких тварей зубами. Кажется, один раз ей даже удалось кого-то укусить. За это на нее сильно кричали, а она огрызалась и, пятясь, поджимала уши.

Эти простые ощущения, иногда приятные, но чаще нет, захлестывали ее волнами, накрывали с головой и норовили утащить на дно, туда, где не существовало мысли, а было одно простое и во многом интуитивное животное чувство – великодушно-жертвенное у лебедя и озабоченное, недоверчиво-агрессивное у волчицы.

И, чудом выныривая после каждой волны, Ирка лихорадочно напоминала себе, что она все же человек. Живой человек, а не птица и не волк. А потом всё разом переменялось...

Глава 2

Волчица

Я вечно боялся не того, чего надо было бояться, и вечно не боялся того, чего бояться следовало. А раз так, то стоило ли вообще чего-либо бояться?

Загробный дневник подавившегося горошиной в уличной забегаловке

– Эй! Я не могу к ней даже подойти! Пусть кто-нибудь брыснет, а? – пожаловалась Гелата.

Как всегда, подмосковная валькирия дышала нетерпеливым жизненным жаром. Двести движений в минуту, тысяча противоречивых желаний в час. Стоять с ней рядом и то было горячо и беспокойно.

Гелата маячила в дверях, вставала на цыпочки и пыталась увидеть хоть что-то, кроме множества валькирий и оруженосцев, запрудивших всю комнату.

– Нас здесь слишком много! Все лишние должны удалиться! – отчетливо сказала Фулона.

Ее призыв повис в воздухе. Расплывчатые приказы саботировать проще, чем конкретные. Ни одна из валькирий лишней себя не считала. Багров и Антигон тоже уходить не собирались. Подумав, Фулона решила вопрос в гендерном ключе, выгнав на лестницу всех оруженосцев, начав с собственного, который призван был подать пример.

– Пусть очкарик тоже выйдет! Он хотя и компактный, но места много занимает, потому что бесконечно крутится! – потребовала Радулга, указывая Корнелию на дверь.

– Вообще-то я тут живу! Это мой диван! – огрызнулся связной.

– Где твой диван? – не поняла Радулга.

– На котором она лежит!

– Так и быть. В виде исключения диван может остаться!

Корнелий вздохнул и проворчал, что с женщинами не спорят. Их сразу в мешок и топят. Однако мешка под рукой у него не оказалось и поневоле пришлось послушаться.

Гелата, пробившаяся к дивану Ирки, опустилась на колени. Их лица оказались рядом – бледное, с подрагивающими веками лицо Ирки и розовое, напряженно-внимательное Гелаты. Валькирия-одиночка лежала неподвижно, укрытая по грудь одеялом в цветном пододеяльнике. Дыхание было слабым. Кожа на носу содрана, что неудивительно. Когда носом пытаются прорыть нору в ванной, от этого портится не только и даже не столько ванная.

Гелата протянула руку и осторожно коснулась спутанных волос Ирки. Руки у валькирии воскрешающего копы были красные, с облупившимся лаком на ногтях, с тонкими характерными царапинами кошатницы на внешней стороне ладони и, наконец, с кокетливым кольцом-сердечком. Если добавить к этому еще две сбитых ударных костяшки, то руки девы и воительницы можно было представить себе ярко.

– И давно она приняла человеческий облик? – спросила Гелата.

Не дождавшись ответа в первую же секунду, она быстро вскинула лицо. Для нетерпеливой валькирии минута промедления была всё равно что для другого три часа на морозе в ожидании электрички.

– Я же спрашиваю!

– Ты спрашиваешь, а мы пытаемся думать. Часа два назад, – спокойно ответил Эссиорх. Гелата ужаснулась.

– Как? Уже два часа! А до этого где вы ее держали? Только не говорите, что в ванной!

– А где еще? Искать в зоопарке неудачную клетку два на три метра? Мы поняли, что если кормить вовремя, то в ванной спокойнее всего. Там ее ничего не пугает, и вода опять же... – сказал Эссиорх.

– А кровь на руке откуда? Поранилась? – продолжила выяснять валькирия.

– Сама себя укусила. Голова еще волчья была, а крыло лебединое. Ну и вцепилась! – удрученно пояснил Эссиорх.

Гелата кивнула и, выпрямившись, отошла от дивана. Ирка ничего не могла слышать, но всё равно валькирия воскрешающего копыя предпочла встать у окна.

– Подведем итоги. За двое суток она восемь раз превращалась в волчицу и девять в лебедя. Так?

Эссиорх подтвердил.

– Съела ведро мелких беспозвоночных, трудноопределимое число отрубей и дождевых червей, двенадцать мороженных кур и одного... кгхм... живого кролика. Кстати, какой гений его вообще припер? Да еще и с голубой ленточкой на шее?

Багров виновато кашлянул.

– Но она действительно любила кроликов! Всегда мечтала о кролике! Я надеялся, что она его увидит и это поможет ей стать человеком!

– И что, помогло? – ехидно спросила Илья.

Она только что перестала выяснять по телефону соотношение курсов валют и теперь активно втискивалась в разговор.

– Мне хотелось сделать ей подарок!

Таамаг чихнула гулко и с раскатами, точно на кафель упала и прокатилась пустая кастрюля.

– Подарок? В сущности, ты его и сделал, – ухмыльнулась Таамаг. – Волчица осталась довольна. Что такое, если разобраться, кролик? Котлета с лапками! И вообще, некромаг, ты помнишь наш последний разговор? Когда тебя удушить? Сейчас или вечером?

– Успокойся, Таамаг! – поморщилась Бэтла. – Хоть ты-то не лезь!

Непрерывный щебет валькирий действовал на Бэтлу изматывающе. Чужие слова буквально торчали у нее из ушей, как мотыль изо рта у переевшей аквариумной лягушки.

Ничто не размывает волю и не лишает внутреннего покоя так быстро, как пустая болтовня. Пускай даже самая дружеская. Поэт, разгрузивший вагон телевизоров, может еще в теории часа за три восстановиться и написать эссе. Но поэт, проболтавший минут сорок по телефону, не способен уже даже разгружать вагоны.

– Всё равно я некромага как-нибудь прибую! Просто для профилактики! Нечего вокруг валькирий крутиться! До того девчонку довел, что она кроликов сырых лопает и носом кафель в ванной проковыряла! – заявила Таамаг, любившая не столько правду, сколько сам процесс обличения.

– Дайте мне топор, маменька, я пошел правду-матку рубить! – томно сказала Ламина.

Валькирия лунного копыя сидела на подоконнике. Уютно подобрав под себя ноги, она покусывала ноготь мизинца, всякий раз внимательно разглядывая его, точно желая добиться какого-то совершенства.

Эссиорх вопросительно коснулся плеча Гелаты. Та оглянулась.

– Можно спросить, что именно тебя настораживает? Ирка же стала человеком! Сейчас отсыпается, а потом проснется! – уточнил он.

– Так-то оно так, но только, боюсь, это мало что решает, – невесело заметила Гелата.

– Почему?

– Разве непонятно? За двое суток она ни разу не была человеком! Ни разу! Превращение из лебедя в волчицу шло по сокращенной схеме, вообще без промежуточных состояний! – подчеркнула Гелата.

– Ну и что? – влез Багров. – Ирка просто всю зиму не превращалась, и вот они прорвались!

– *Без промежуточных состояний!* – настойчиво повторила Гелата. – Восемь и девять – это семнадцать! Как вы себе это представляете? Всё равно что семнадцать раз подряд уронить ребенка головой на бетон и потом удивляться, что он плохо помнит таблицу умножения! Даже если бы она год не превращалась – всё равно такое не могло произойти! Ну два раза, ну три... Хотя три – это уже много.

– И что? Хочешь сказать, она не сможет больше быть валькирией? Копье перестанет подчиняться? – озабочилась Бэтла.

– Сейчас о копье даже речи не идет. Так как промежуточные состояния отсутствовали, ее человеческая личность на время окажется поработанной. Пока же она восстанавливается, одна из дополнительных сущностей заместит основную. Короче, она станет или лебедем, или волчицей. Кем точно – не знаю. В зависимости от того, кто в ней в данный момент сильнее.

– Ты уверена? – спросил Эссиорх.

Валькирия воскрешающего копья невесело кивнула.

– И надолго?

Этого Гелата не знала.

– В лучшем случае: нет. В худшем: навсегда. Всякое превращение – это как мокрой тряпкой по доске. А тут целых семнадцать раз!

Согнав со стула Ильгу, Гелата передвинула стул к дивану, но садиться не стала, а оперлась о сидение локтями и снова стала смотреть на Ирку. У той чуть порозовели скулы, но лицо оставалось меловым.

– Должна существовать еще причина, почему она не смогла сопротивляться волчице и лебедю! – заявила Гелата.

– НЕКРОМАГ! – сказала Таамаг обвиняюще. – Чего другие причины искать? По башке его!

– Если дело во мне – я защищаться не буду, – сказал Багров спокойно.

Антигон перестал носиться по комнате, биться лбом о ноги валькирий, охать, когда ему наступали на ласты, и дергать себя за бакенбарды. Правый бакенбард был выдран почти с корнем, и отдельные клочки его попадались в самых непредсказуемых местах.

У каждого беспокойство выражается по-своему. Кто-то предпочитает его выбегивать, другие же глотают волнение как ядовитую пилюлю и сидят на одном месте, неподвижные точно удавы, пока оно медленно разъедает их внутри. Так и здесь. У Антигона беспокойство имело двигательную форму, у Багрова – разъедающую.

– Укус хмыря считается? – спросил кикимор, бесцеремонно проталкиваясь через лес ног. Гелата насторожилась.

– Хмырь? А хмырь откуда? – спросила она.

– Да тяпнул её недавно один хмыреньш... – протянул Антигон, длинным плевком по дуге очень точно выразив всё, что не упаковалось в слова.

Фулона насторожилась.

– Хмырь? В человеческом мире? Что он тут забыл? – спросила она.

– Да вроде как искал чегой-то... У, елкина моталка! Прынцойд переделанный! – горячо сказал Антигон.

У него потребовали подробностей. К сожалению, подробностей кикимор смог поведать немного, то и дело сбивался на личную характеристику хмыреньша. Его останавливали, вновь требовали подробностей, и вновь Антигон слова через три скатывался.

Пришлось махнуть на него рукой.

– Вообще, конечно, укус хмыря мало кому пойдет на пользу. Хмырь и стерильность – это даже не антонимы, а нечто вообще никак не соприкасающееся. Не исключено, что укус хмыря, особенно непромытый, мог ослабить защиту валькирии, – допустила Гелата. – Но все

равно нужно еще что-то. Что-то внутреннее, психологическое, глубинное. Э-э... Она никогда не страдала от раздвоенности?

– Раздвой... как? – озадачился кикимор.

– Не было у нее внутреннего надлома, глобального противоречия, недовольства? Иногда человек кажется цельным и благополучным, а внутри его точно двуручной пилой терзает, – пояснила Гелата.

– А то как же! – наконец сообразил Антигон. – Гадкая хозяйка – она такая! Никак ее не поймешь! То говорит: сделай яичницу, а сделаешь – поковыряет и не трескает! «Я, мол, перехотела. Ты картошки не пожаришь, будь такой гаденький?» – «А яичницу теперь что, выкидывать?»

Кикимор посмотрел на слабые Иркины руки, лежащие поверх одеяла, перешел на крик и, отвернувшись, издал звук, похожий на собачий лай.

Поняв, что от Антигона, кроме рассуждений о яичнице и рыданий, ничего не дождешься – Гелата вопросительно посмотрела на Багрова.

– Ничего не хочешь сказать? – спросила она, очень зорко глядя на него.

Багров смутился.

– НУ???

– Четвертое правило кодекса, – произнес Матвей совсем тихо, чтобы никто, кроме Гелаты, не слышал.

Валькирия воскрешающего копья хмыкнула.

– Про кодекс будешь в суде говорить. Мне скажи по-русски. Что-нибудь вроде поцелуя? Матвей кивнул, уставившись в пол.

– Это я виноват. Не думал, что это так опасно. Она не хотела, – сказал он, защищая Ирку. Гелата недоверчиво скривилась.

– Если бы не хотела – ничего не было бы. Опасно не столько соприкосновение губ – сколько соприкосновение сердец, – сказала она.

– Как вы узнали? – спросил Багров.

– Ну об этом легко догадаться, – ответила Гелата так же вполголоса. – Все наши об это рано или поздно спотыкаются. Тут главное крепко держать сердце, чтобы его не выкрали из сумочки... Ирка, к сожалению, не удержала – и вот результат.

– И что теперь будет? – тихо спросил Багров. – Она станет прежней? Останется валькирией? Хотя бы человеком когда-нибудь станет?

Он ощущал себя убийцей. Даже хуже, чем убийцей. Убийца чаще всего убивает того, кого ненавидит. Он же убил или почти убил ту, кого любил больше, чем себя.

Гелата вздохнула.

– Слишком много вопросов. Явно больше, чем у меня ответов. И вообще, если тебе нужна истина в последней инстанции, то это не ко мне...

– Эй вы, двое! Чего вы там шушукаетесь? – недовольно подала голос Таамаг. – Гелата, мамочка не учила тебя, что шепотом на ушко можно говорить только четыре слова: «Простите, где тут туалет?» Всё остальное – невежливо.

– Нет, – спокойно ответила Гелата. – Не учила!

– Это еще почему?

– Когда мама работала на хлебозаводе в утреннюю смену – у меня была вторая смена в школе. Когда же в школе стала первая смена – мама перешла на молокозавод и стала работать уже в вечернюю смену. Когда же настал счастливый миг и мы, наконец, состыковались, учить меня было поздно.

Таамаг выслушала рассказ о детстве Гелаты с интересом.

– А сестры у тебя были? – переключилась она на любимую свою тему.

– Брат, – кратко ответила Гелата.

Разговаривать про братьев Таамаг было неинтересно.

– А, ну брат не считается!

– Почему не считается?

Валькирия каменного копья затруднилась объяснить, но вместо нее влезла Бэтла, имевшая кучу двоюродных сестер и братьев, долго живших с ней в одной квартире.

– Владелец хомяка и владелец бойцовой собаки никогда не поймут друг друга. Сестра – это, по моим наблюдениям, одно, а брат совсем другое. Брат – это стукнуть по лбу, а через два дня, не извиняясь за старое, купить шоколадку. Сестра же – вначале исподтишка уколоть иголкой, а потом тут же не отходя от кассы пожалеть, но шоколадку не покупать, – заявила она.

– А разве братья не защищают? – усомнилась Ильга, любящая традиционные формулы суждений.

Бэтла с сомнением хмыкнула, безнадежно пытаясь нашарить взглядом своего оруженосца с его продуктовым патронташем. Вспомнила, что оруженосец на лестнице, и загрустила.

– В исключительных случаях – да. Но чаще они обучают защищаться сами от себя, а ты потом применяешь те же методы против других, – сказала она.

Ламина подошла к Иркиному дивану и наклонилась над ней.

– Я ее потрогала, а она попыталась укусить меня за палец! И ещё она вся какая-то влажная! – воскликнула она, невольно встряхивая ладонью.

– Обычный пот! Ты что, сама духами потеешь? – набросилась на нее Гелата, поддерживая за плечи Ирку, которая металась, пытаясь встать.

– Ты угадала! – сказала Ламина.

Перебодать ее в споре было сложнее, чем спилить вилкой столетний дуб.

Гелата поискала глазами полотенце и, не найдя, промокнула Ирке влажный лоб краем одеяла. Охотясь за ее рукой, Ирка замотала головой, точно щенок, который тренирует смертельный укус на хозяйском ботинке.

– Ну это явно не лебедь! Или я совершенно ничего не понимаю в лебедях! – пробормотала Гелата. – Уводи всех! Скоро начнется! – велела она Фулоне.

– А ты?

– Я остаюсь! И захватите с собой моего оболтуса, хоть немного от него отдохну!..

Шумная толпа низверглась вниз, до полусмерти напугав поднимавшегося наверх маленького школьника, оказавшегося как раз между оруженосцами и валькириями. Школьник сдал назад. Его тяжелый рюкзак перевесил и, попытавшись поскользнуться, бедняга ухватился за перила.

– Не упал? Не бывать тебе летчиком! – громогласно сообщил ему Вован.

Лестница грохнула хохотом. Перепуганному школьнику немедленно вручили шоколадку. Школьник ее от неожиданности взял, но держал с испуганным лицом человека, которому мама запретила брать что-либо у людей посторонних, которые на 99,9 процента окажутся маньяками и отравителями.

Всю ночь Ирка металась, шептала что-то, бредила. Становилась то холодной как лед, то горячей как утюг. Под утро она успокоилась, стала дышать ровнее, и Гелата позволила себе задремать рядом.

Проснулась она от острого звериного запаха. Открыла глаза, приподнялась на локтях и хриплым спросонья голосом прошептала: «Ой, мама!» В шаге от нее стояла белая волчица и смотрела на нее желтыми настороженными глазами. На дне глаз плескались осколки луны.

Гелата осторожно свесила ноги. Когда ее вторая ступня коснулась пола, волчица негромко заворчала. Поджатый хвост качнулся, однако без всякого дружелюбия.

– Ирка, это я, Гелата. Ты меня узнаешь? – спросила Гелата очень медленно и отдельно.

Волчица перестала рычать и немного склонила голову набок.

– Всё будет хорошо! Расслабься! Не пытайся с ней сражаться! Просто смотри на мир своими глазами! Своими, а не ее! Не дай зверю сломать тебя! Не сливайся с ним! – медленно, надеясь, что Ирка поймет, сказала Гелата.

В коридоре чавкнула дверь, ведущая на площадку. Волчица вскинула морду, прислушалась и рванула на звук. Хилая дверка комнаты не выдержала наскока ее передних лап и распахнулась. Кто-то негодуя завопил. Бильярдно застучали обрушившиеся книги в шкафу. Страхнув последние остатки сна, Гелата вскочила и, как была, без обуви, метнулась вдогонку. Она поняла уже, что волчица вырвалась на лестницу.

На бегу Гелата услышала звон. Еще через два пролета увидела осколки, и сразу все стало ясно. Волчица атаковала в прыжке стекло между первым и вторым этажами и в стеклянном дожде вырвалась на улицу. Гелата осторожно просунула голову в раму, нависшую над ней гильотинным сколом.

В предрассветной полутьме дыбились кусты сирени. Призрачные коробки домов вязли в ватном одеяле тумана. Отыскать быструю волчицу в этом лабиринте было не по силам даже валькирии.

Гелата вернулась в квартиру, ощущая сквозь чулки холод ступеней. На полпути ей попался взмыленный Корнелий.

– Где она?

Гелата посмотрела сквозь него.

– Уже нигде, – хмуро ответила она.

– Как нигде? Там внизу еще одна дверь! Она не сможет ее открыть!

Гелата нервно рассмеялась.

– Она и не пыталась! Кто тебя вообще просил ее выпускать?

Корнелий надулся.

– Говорю тебе: она через меня пробежала! На лицо, между прочим, наступила!

– А остановить? Ты же страж!

– Ага! Остановишь тут! Я упал на спину, а флейта была в рюкзаке! – пояснил Корнелий.

Дурному вратарю в очередной раз помешало, что зритель на первом ряду показал ему язык.

Глава 3

Новая знакомая зоркоглазика

«При поединке, как на холодном, так и на огнестрельном оружии, противникам разрешается безусловно иметь на себе обыкновенной формы очки. Употребление во время поединка пенсне, случайное падение которого может быть причиной различных недоразумений, не допускается...»

И. Микулин. Из «Дуэльного кодекса»

Чем дольше Корнелий жил в Москве, тем реже телепортировал и тем чаще ездил на метро. Корнелий любил метро. Любил грохот вагонов, особенно последнего, на котором не висли сзади другие вагоны и не мешали ему болтаться. Любил резиновый запах новых эскалаторов, выветривающийся не раньше, чем через два года после открытия станции.

Любил момент, когда прожектор поезда рождается в тоннеле, а потом и сам поезд стремительно вылетает с дребезжаще-резким электрическим гудком: отгоняет бравирующих студентов, пытающихся попасть под всесокрушающее зеркало машиниста. Любил надпись «**не прислоняться**» и те многие издевательства, которые творились над ней.

В каждом вагоне у Корнелия имелся свой любимый закуток. Находился он у самой двери – справа или слева. Здесь тебя не сметала толпа, давившая обычно строго вперед, и можно было комфортно стоять, прислонившись плечом к стенке, а бедром к поручню. Единственное, что требуется от обитающего на этом месте, – регулярно наклоняться чуть вперед, открывая схему метрополитена и позволяя недоверчивому пассажиру убедиться, что «Пушкинская» и «Чеховская» – это примерно одно и то же, только через переход.

Порой, правда, Корнелию вспоминалось, что метро – это уже Верхнее Подземье. Еще, конечно, не Тартар, но уже место не самое благонадежное, обиталище нежити и многих нестабильных потусторонних существ, для которых глубины меньше ста метров – смертный приговор. Не самая безопасная территория для связного Эдема, пусть даже далекого от совершенства.

Нельзя сказать, чтобы свет совсем уж не присутствовал в метро. Были у него тут и свои подконтрольные участки. В основном в переходах между станциями, там, где стояли флейтисты, маскирующиеся под уличных музыкантов.

Передвижные эти пункты отсекали от пассажиров привязывающихся к ним суккубов и усложняли комиссионерам беспорядочное рысканье в поисках добычи. Разумеется, суккубы и комиссионеры давно научились их обходить, но всё же чернильной слизи, заменявшей им кровь, они им портили немало.

Корнелий тоже не прочь был при случае шугануть подвернувшегося суккуба или меткой маголодией загнать комиссионера в промежуток между вагонами, где тот мрачно кривлялся на сцепке, не в силах причинить никому вреда.

Но всё же главным образом Корнелий ездил в метро для того, чтобы пополнять записную книжку строчками телефонных номеров. Депеши из Эдема неделями могли лежать в его сумке, не доставленные адресатам потому лишь, что Корнелий редко мог сосредоточиться настолько, чтобы сделать хотя бы одну осмысленную пересадку. С утра и до вечера он пребывал в радостной пьянящей эйфории человеческого мира.

Из этой эйфории его умел выводить только Эссиорх, очень неприятно и больно бивший по лбу костяшкой среднего пальца правой руки. Фокус этот назывался: «Тук-тук! Я твой отрезвин!»

А отрезвлять было от чего. Без еды человек умирает через несколько недель. Без воды проживет несколько дней. Без воздуха задохнется за минуту. Без любви же он не протянул бы и секунды. Даже мгновение прожить без любви – совершенный нонсенс, ибо одной лишь любовью существует весь огромный мир с лампочками звезд, фонарем солнца и несколькими большими континентами, лениво плескающимися в каменной ванне Мирового океана.

Под любовью, разумеется, следует понимать не пошлый клубок страстей, высиженный в телеяшике томящимися клушами, а иное светлое, пронизывающее, острое состояние единения с миром. Кем-то оно ощущается остро, кому-то же и простое «привет!» буркнуть невероятная победа над собой. У всякого своя мера. Но и это тоже усилие, сделанное в направлении к любви.

Корнелий же мало-помалу подменял великую любовь к миру любовью частной – к девушкам. При всем том чувство Корнелия было восторженным, распыленным и бескорыстным. Он настолько был полон неумной радости, что ему обязательно нужно было поделиться ею с кем-нибудь, иначе он лопнул бы от восторга как воздушный шар. Делиться же радостью с девушками было гораздо приятнее, чем с молодыми людьми. Они не смотрели на тебя с недоверчивым прищуром, просчитывая, с какой силой и под каким углом надо ударить в челюсть, чтобы им не мешали слушать плеер всякие эмоциональные субъекты.

Как всякий страж света, Корнелий воспринимал эйдос конкретнее, чем тело. Он всегда видел, какому эйдосу нужна помощь и какое слово надо сказать, чтобы он загорелся чуть ярче и перестал бы чадить грустью и беспомощной тоской. Только эйдос представлял для него истинную ценность. Тело же, эту будущую белковую подкормку гробовым червям, часто замечал лишь постольку-поскольку, как замечают кроссовки на ногах у приятеля: «А-а, ты опять эти старенькие откопал? Ну и умница!»

И потому часто случалось, что у иной красавицы ящиком падала челюсть, когда, равнодушно пройдя мимо, Корнелий подходил к ее затюканной подруге, которая втайне воспринималась красоткой как бесплатное приложение к журналу. Ну или как вечную бонну, которой вручаются мокрые бумажки от мороженого.

Безвкусно одетых и назойливо накрашенных девиц Корнелий старательно избегал.

– У девушек, как у насекомых: яркая расцветка чаще всего предупреждение, что насекомое ядовито, – утверждал он.

Эссиорх с ним не соглашался.

– Часто, но не всегда. Смелее всех одеваются смиренные и славные тихони. Это у них всплеском, два-три раза в год. Границ по наивности не знают, вот и перегибают палку. Хочется что-нибудь такое с собой сотворить, чтобы, наконец, проснуться. Вот и ищут себя на четвереньках в потемках, как потерянный ключ. Какой-нибудь осёл увидит ее в такой день и обязательно подумает какую-нибудь грязь. Он же не знает, что эта тихая девочка Нина везет бабушке диабетический сахар.

Как бы там ни было, а Корнелий продолжал собирать телефончики, как трудолюбивая пчелка собирает мед.

В метро знакомиться с девушками было удобно. В переполненном вагоне они ощущали себя в большей безопасности, чем где-нибудь на пустой ночной улице с видом на луну. Единственное, что в метро было неудобно, общаться. Все заглушали стук и грохот. Иногда самый простой вопрос приходилось повторять раз восемь, всякий раз повышая голос, и часто случалось, что в девятый раз, когда оба собеседника уже переходили на крик, поезд внезапно затихал, и твой вопрос был слышен всему вагону.

Часто бывало, что какой-нибудь студент, обучавшийся пить разнокалиберные напитки в тракторном вузе, в группе, состоящей из десяти парней и одной серьезной девушки, фанатично помешанной на дизельных двигателях, набирался храбрости познакомиться в метро.

Хлебнув для большей отваги сложной смеси метровоздуха, студент приближается к той, с которой он мысленно уже готов вить гнездо и строить шалаш в зарослях бамбука, и, назойливо помячив перед ее лицом, чтобы быть визуально отделенным от остальной толпы, произносит:

– Привет! Я Максим! Как тебя зовут?

Грохот. Удивленный взгляд. Девушка не слышит. У незадачливого ловеласа начинают сдавать нервы. Он вдруг вспоминает, что у него нос картошкой или, допустим, прыщ на лбу.

– Зовут как? – безнадежно повторяет он. Ему жутко.

Поезд дергает. Девушка, ничего не понимая, начинает крабом отползать вдоль поручня. Парень пугается еще больше. Собственный мелкий недостаток приобретает вулканические размеры. Прыщ становится громадным, как вулкан, и дышит лавой. Он уже ненавидит бедную девушку, с которой всего пять минут назад мечтал создать здоровую ячейку общества и даже, возможно, умереть в один день.

Теперь вопрос звучит с угрозой:

– Имя у тебя есть? Знакомиться будем или как?

Стук колес. Теперь уже слышит весь вагон, кроме той, кому вопрос адресован.

– Хотя как-нибудь вас зовут? В паспорте у вас чего-нибудь написано? Алло!

– Настя, – наконец говорит девушка.

Грохот. Теперь уже не слышит сам незадачливый ловелас.

– Как-как?

– Настя!! АНАСТАСИЯ!

Парень моргает. Он улавливает только кучку разрозненных звуков, однако признаться в глухоте ему неловко.

– «И я?» Прости, я не расслышал: ты и кто?

– У тебя что, бананы в ушах? – взрывается девушка.

Тут поезд как раз выскакивает на станцию, и вопрос разносится громко и четко. Пассажиры смеются. Студент смертельно обижается. Сердце обрушивается в нем, точно тракторное колесо на ногу механику.

– Большая какая-то! – говорит он вполголоса, трусливо прячет бананы в ушах под наушниками и отправляется пить пиво, навеки сделав неутешительный вывод о коварстве и злобе женского пола. Еще один сложившийся молодой холостяк пополняет ворчливые ряды старых коллег.

Хотя, если разобраться, у технаря в метро при должной настойчивости шансы всё же имеются. Технарь – практик, твердо стоящий на ногах и имеющий ясные приоритеты, пусть даже они просты, как табуретка. Гуманитарию же сложно вдвойне, поскольку голова его, наполненная хаотичными и скользко-софистическими знаниями, рождает порой неожиданные даже для самого хозяина звуки. Если вопрос технаря: «Можно с вами познакомиться?» в теории можно еще угадать, то попробуй-ка угадай: «Читали ли вы Кьеркегора? Хотя по вашим печальным очкам я вижу, что вы больше любите Джойса!»

Но и из этого положения Корнелий научился выходить. Во-первых, он знал в Москве все относительно тихие линии, где говорить можно было вполне нормально, а, во-вторых, таскал с собой в метро блокнот и строчил в нем вопросы с чудовищной скоростью.

Получалось нечто вроде:

КОРНЕЛИЙ: (пишет в блокноте) Девушка, что вы делаете сегодня вечером?

ДЕВУШКА: (пишет) Мою голову, забираю конспекты и пишу шпоры к зачету.

КОРНЕЛИЙ: А завтра утром?

ДЕВУШКА: Мою голову и сажу в библиотеке.

КОРНЕЛИЙ: А днем?

ДЕВУШКА: Сдаю зачет.

КОРНЕЛИЙ: А после зачета?

ДЕВУШКА: Мою голову и иду в библиотеку писать бомбы к экзамену.

Убеждаясь, что черед зачетов и экзаменов уходит в дурную бесконечность и грозит слиться с горизонтом, несчастный Корнелий в качестве прощального сувенира вручал девушке вырванное из своего крыла перо, которое она чаще всего принимала за голубиное, и, дружелюбно пожелав ей удачной головомойки, оставлял ее в покое.

* * *

В тот поздний апрельский вечер, незадолго до закрытия метро, Корнелий прогуливался по станции «Краснопресненская», поджидая поезда. Он только-только закончил развозить секретные депеши, которые из несрочных стали уже совсем срочными, поскольку доставить их нужно было еще полторы недели назад.

Станция была совершенно пустая, что в перенаселенной Москве всегда пугает. Чтобы чувствовать себя одиноким, романтику необходима толпа. Когда же толпы нет, романтик невольно начинает нервничать и искать людных мест, чтобы вновь, обособившись, стать самим собой.

Интервалы между поездами сделались большими, и нетерпеливый Корнелий внутренне поскуливал, то и дело поглядывая на часы, разменивающие уже четвертую минуту.

Девушка появилась неожиданно, со стороны большого зеркала, необходимого машинисту для того, чтобы видеть, когда хлопать дверями, дабы защемить побольше пассажиров. Высокая, тонкая, чем-то похожая на цветок лилии. Нос небольшой, чуть вздернутый. Лоб высокий. В строении бровей привлекательная неправильность. Не то излом, не то легкая приподнятость окончаний, придававшая лицу удивленный вид. Под глазами едва заметные усталые полукружья.

«Лет семнадцать», – прикинул Корнелий.

Ему казалось, что еще несколько секунд назад слева от него никого не было. Не из тоннеля же она вынырнула?

На левой щеке у девушки был короткий шрам, горизонтальный и алый. Он касался края губ, отчего казалось, будто она непрерывно улыбается одним углом рта. Корнелий посмотрел на шрам и по наитию снизил возраст девушки примерно на год.

Одета девушка была во всё черное. Высокие десантные ботинки. Кожаные брюки. Кожаная узкая куртка с несколькими дробными и блестящими металлическими пластинами на спине и груди. Единственным исключением являлся красный шелковый шарф. Все вещи – и ботинки, и куртка, и шарф – были в крапинах грязи и пахли чем-то затхлым. Тиной?

К правому бедру девушки были пристегнуты ножны, а в них широкий и длинный, сантиметров тридцати нож-тесак. Корнелий удивился. С его точки зрения ходить с таким по городу означало непрерывно провоцировать нервную московскую милицию. Один только философ Сократ методом целой цепочки умозаключений сумел бы доказать, что такой нож имеет хозяйственно-бытовое значение, служит для заготовки лучины и обтесывания ножек табуреток и холодным оружием не является.

Рядом с девушкой шел громадный худой пес угольного цвета. Единственное «неугольное» исключение составляла узкая белая полоска на голове. Похоже, некогда пес получил ножевую рану, и шерсть на ней выросла уже седой. Породу собаки Корнелий затруднился бы определить – в ней угадывались и азиатская овчарка, и дог, и ньюфаундленд, и кто-то из крупных дворняг. Одно было несомненно – собаки в роду у нее подобрались серьезные, не искавшие в жизни мягких диванов и сбалансированного корма.

Первое, что потрясло, была величина пса. Спина находилась примерно на том уровне, на котором обычно ожидаешь увидеть раму велосипеда. Так и хотелось перебросить ногу и

сесть верхом, вот только ногу было жалко. Если одежду девушки еще можно было назвать сравнительно чистой, то пса грязь покрывала почти целиком.

Заметив Корнелия, пес напрягся. Морда его невообразимо сморщилась, даже скомкалась. Кожа подобралась, как она умеет подбираться только у бойцовых собак и волков. Обнажились желтовато-белые клыки размером чуть ли не с палец. Не тратя времени на рычание, пес рванулся вперед.

Корнелий метнулся рукой к флейте, уже понимая, что не успеваает даже достать ее. Расстояние между ними было шага три.

– Назад, Добряк! – приказала девушка, дергая пса за узкий кожаный ремень, служивший чем-то вроде поводка. «Чем-то вроде» – это потому, что всякому ясно было, что пса такого размера и веса на нем удержать так же невозможно, как на резинке от треников.

Пес, почти сбивший Корнелия с ног, подчинился. Шерсть на загривке опала. Морда перестала морщиться. Услышав один раз, что трогать Корнелия нельзя, умный зверь потерял к нему интерес и неохотно вернулся к хозяйке. Лишь верхняя губа осталась приподнятой – ровно насколько, чтобы были видны предупреждающе оскаленные клыки.

«Ты мне не нравишься! Если она считает, что убивать тебя не стоит, – живи, но не жди, что я буду вилять тебе хвостом!» – точно говорил он Корнелию.

Незадачливому связному стало не по себе. Как страж света, Корнелий старался не думать ни о ком плохо. Перья от этого быстро теряли белизну. Подумать же хорошо тут как-то не получалось.

– Собака – друг человека, – напомнил он себе. – Хотя какой должен быть человек, чтобы у него был такой друг! Или какие враги должны быть у человека, у которого такой друг!

Для девушки присутствие Корнелия на платформе тоже оказалось сюрпризом. Она не то метнулась, не то сделала резкий шаг влево, потянув за собой пса, вскинула на него глаза, но сразу же прошла дальше и остановилась примерно на месте второго вагона. Там она и стояла, покачивая сумкой на длинном ремне и нетерпеливо поглядывая в пустой тоннель.

Громадный пес сидел рядом, изредка с угрозой оглядываясь на Корнелия. По всему было видно, что Добряк – для него самая подходящая кличка.

Девушка нервничала. То и дело, точно опасаясь чего-то, она озабоченно смотрела в тоннель, и лицо у нее становилось напряженным. Поезда все не было. Казалось, секунды прилипают к циферблату электронных часов, а потом, точно издеваясь, большими скачками дергаются вперед.

Самый бестолковый связной света взволновался. Чем дольше он жил в человеческом мире, тем сильнее увлекался и «залипал». С ним происходило то же, что с сотнями стражей до него. Все чаще он мыслил, как молодой человек двадцати с малыми копейками лет – представлялся себе суровым и грозным, сам же вел себя как радостный и веселый щенок.

Постепенно в голове у него точно сам собой образовался рубильник с положениями ON/OFF. В положении «ON» Корнелий был страж. В положении же «OFF» – задиристый очкарик с веснушками, любящий цветные сны.

Случались дни, когда он не вспоминал о том, что он страж света и в жизни у него существует некая высшая миссия и цель, отличная от простого переваривания пищи, блуждания по городу, переработки новых вещей в мусор и получения базового набора удовольствий.

Конечно, спроси у Корнелия некто: «Ау! Проснись! Ты что, забыл, кто ты?», он бы опомнился, но спрашивал его об этом только Эссиорх, и то чаще кулаком по лбу.

В состоянии «ON» любовь Корнелия была возвышенной, бескорыстной, щедрой и соответствовала стандартам света. В состоянии же «OFF» это был обычный сумбур с сомнениями, метаниями и фоновой мыслью: «А оно мне всё надо?»

В этом отключенном от неба состоянии Корнелий влюблялся только чем-то одним: или разумом, или сердцем. Когда увлекался один разум, сердце начинало ныть и стонать, отрав-

ляя разуму всякое удовольствие от логических построений и самоубеждений, точно уставший ребенок, увязавшийся за взрослым на прогулку.

«Это та самая девушка, которая нам нужна, потому что: а) б) в) г)! Смотри! Вся логика в нашу пользу! Не тормози!» – убеждал разум. «Катись ты со своими а) б) в)! Не то! Не мое!» – артачилось сердце.

Когда же влюблялось сердце, а ум оставался холоден, происходило всё наоборот. Вредный ум принимался поливать сердце ледяной водой убийственных доводов и за предсердия и желудочки оттягивал в сторону. «Посмотри на нее! Кого тут любить? Она же: а) б) в) г)! Сопоставляй факты, глупое животное! Нечего блажить!»

В завершающей стадии затянувшегося сражения обычно являлся Эссиорх и коротким ударом костяшкой пальца в лоб переключал Корнелия в состояние «ON», автоматически убивавшее бессмысленные метания.

Длинный поезд показался из тоннеля и, не снижая скорости, с электрическим дребезжанием пронёсся мимо платформы. Все вагоны были освещены, и все пусты. Сюрреалистическое зрелище! Корнелий остановился на краю, замороженно наблюдая за синей гусеницей, вползающей в тоннель.

Когда поезд появился, девушка рванулась было к нему, точно желая вскочить на ходу, но, поняв, что это невозможно, отпрянула и, пробежав несколько шагов вдоль состава, остановилась в замешательстве. Пес тоже сделал несколько скачков, толкнулся мордой в захлопнутую дверь вагона и, отброшенный, упал на бок. Сразу вскочил, вернулся и сел у ног девушки.

Из-за грохота вагонов услышать ее слова было непросто, но Корнелию почудилось, будто девушка негромко крикнула что-то сердитое вслед удаляющемуся поезду. Затем, взяв себя в руки, продолжала нетерпеливо покачивать брезентовую сумкой, точно черная кошка подрагивала хвостом. На Корнелия она ни разу не взглянула.

«Ах так! Ну и ладно! Чем больше я тебе не нужен, тем больше ты мне нужна!» – подумал он.

Досада ужалила Корнелия сердитой пчелой. Связной обиделся и сделал охотничью стойку. Чем дольше он всматривался в девушку, тем сильнее путался. Ему было и тревожно, и радостно. Он сам не понимал, что с ним творится. Происходило нечто необычное с точки зрения положения «OFF», в котором находился замученный курьерской беготней Корнелий. И сердце и ум разом сказали «нет», а потом так же разом сказали «да!» И снова «нет», и снова «да».

– Так не бывает! Что-то тут не так! – сказал себе Корнелий.

Переключившись на истинное зрение, он убедился, что эйдос у девушки присутствовал, но немного странный. Точно рассеченный наискось, он состоял из двух половин. Одна из них была яркой и живой, другая – тёмной, будто обугленной.

Корнелий озадачился. За всё время своего пребывания в человеческом мире он не встречал ничего подобного. В большинстве случаев эйдосы освещались или тускнели целиком, без жестких разделений или границ. Разделенный эйдос – такой же нонсенс, как, допустим, вода, покрашенная в полосочку.

– Ничего себе! – невольно произнес Корнелий, в котором страж света на время заглушил бестолкового собирателя телефончиков.

Так как он стоял близко, девушка услышала и, повернув голову, окинула его быстрым взглядом, после чего вновь отвернулась. Корнелий успел заметить, что глаза у нее были странные, песочного цвета. Зрачки расширенные, без отблеска.

Одно точно: напугана она не была.

– Смывайся отсюда, очкарик! Если еще один поезд пройдет пустым, скоро здесь будет жарко, – бросила она.

Корнелий не обиделся на «очкарика». Своей ботанической внешностью он скорее гордился и всячески ее усиливал. Если у тебя есть внешний недостаток – акцентируй его, и он легко превратится в достоинство.

– Я не очкарик! Я зоркоглазик!.. – поправил Корнелий и быстро уточнил: – В каком смысле жарко?

– Не смотаешься – поймешь! – процедила девушка сквозь зубы.

Растратив все свои интеллектуальные способности на шуточку про «зоркоглазика», Корнелий испытал кризис разговорного жанра. Обычно многоречивый, теперь он сумел связать три предложения, лишь помогая себе овечьим блеяньем:

– Хороший пес! С такими никакой конницы не надо! Как тебя с ним в метро впустили?

Девушка не ответила. Она подбежала к краю платформы и, заглядывая в тоннель, прислушалась. Громадный пес прислушивался вместе с ней, повернув голову и насторожив уши. Оба были настолько синхронны, что у Корнелия даже мелькнуло подозрение, не составляют ли оба единое целое.

С грохотом подъехал поезд, но не на эту платформу, а на соседнюю. Девушка на секунду задумалась и рванула туда. Грязный пес спешил за ней большими скачками. То и дело обгонял, оборачивался, проскальзывал. Ту же дистанцию, что и хозяйка, он ухитрился пробежать зигзагами и вдвое бестолковее. В вагон он вскочил первым, выскочил и снова вскочил.

Приотстав, Корнелий помчался за ними и успел в последний миг. Двери хлопнули за его спиной.

– Чуть крылья не прищемило! – сказал Корнелий весело.

Он ничем не рисковал, зная, что ему никто не поверит. Людям с непросветлившимся эйдосом невозможно поверить в крылья, как невозможно ясно увидеть звезды в захватанный телескоп.

Девушка обернулась. В поезде она выглядела повеселевшей.

– А ты что тут делаешь? Ты же ехал в другую сторону! – спросила она.

– У зоркоглазика есть имя. Его зовут Корнелий! А тебя как-нибудь зовут? – незадачливый связной спешил узнать все самое главное, пока состав не разогнался и не начался грохот.

– Как-нибудь зовут. А что, очень важно?

– Для теоретической науки все детали имеют ценность.

Девушка усмехнулась. Когда она смеялась, шрам на ее щеке отползал вниз, и возникал привлекательный зигзаг.

– Ну, Варвара.

– Варвара Краса Длинная Коса?

Лучше бы он удержался, потому что шутка не понравилась.

– Сказок перечитал? Слушай, отвали, а!

Уловив недовольную интонацию, пес угрожающе зарычал на Корнелия, но тотчас получил по морде коленом.

– Добряк, назад! Сказано: не трогать ботана!..

Девушка сорвала с головы черную вязаную шапку из тех, что любят носить туристы, лыжники и диггеры, не раздобывшие еще удобную каску с фонарем. Волосы у нее были короткие, темные. Лежали они неровными прядями и вообще ощущение было такое, что девушка стрижет себя сама.

– Беру свои слова назад! Длинная коса отменяется, – со вздохом признал Корнелий.

– Опять коса? Тебя что, зациклило? Мечтал в детстве заплетать куколкам бошки, а мама покупала машинки?

Корнелий улыбнулся, оценив градус ехидства. Он уже ощутил, что Варвара колючая как еж, а раз так, то с ней надо быть мягким как колобок. Да и вообще с девушками не спорят.

Почти всякое женское мнение условно. Любая девушка сама себя семь раз опровергнет в течение минуты, если дать ее речи изливаться спокойно, не встречая препятствий.

Состав начало побалтывать. Вынужденный сделать паузу, племянник Троила стал оглядываться. Ему было интересно, какое впечатление произвела девушка с громадным псом на остальных пассажиров.

Оказалось – совершенно никакого. На них даже никто не смотрел.

Последний час перед закрытием метро – время, когда никто ничему не удивляется. Этот час принадлежит влюбленным, возвращающимся с романтического дежурства. Еще – печальным дамам с венками тюльпанов или длинной шпагой единственной розы. Еще – подвыпившим красноглазым дяденькам в съехавших набок галстуках, которых культурно выперли из гостей, десять раз вежливо повторив, что завтра чудовищно сложный день. Еще – сонным поварам и официантам недавно закрывшихся кафе. Еще – бодрым дачникам, любящим рискованно успевать на последнюю электричку или запрыгивать на ходу в единственный автобус, с предварительным забрасыванием в его приоткрытые двери рюкзака и тележки. И, наконец, это час зорких карманников, которые сдергивают у уснувших пассажиров мобильники и выхватывают сумочки у грустных дам, всегда оставляя им цветы. В ночном вагоне одни только карманники пытаются казаться правильными и скомпенсированными людьми, и по этому признаку их всегда можно опознать.

Корнелий стоял рядом с Варварой, неуютно отгороженный от нее псом. На плече у девушки висела зеленая брезентовая сумка. Вместительная, надежно и крепко прошитая кожаными шнурами, с мощным ремнем. На такой можно было без особого риска висеть над пропастью, зацепившись ремнем за сук. Корнелий знал толк в вещах, сделанных своими руками. В Эдеме других вещей и нет. Массовое производство и поточные линии освоены исключительно в человеческом мире, где всякий скрыто стремится быть похожим на кого-то иного, разумея под похожестью внешнее сходство.

– Классная сумка! – искренне сказал Корнелий.

Он сам толком не знал, почему ляпнул про сумку. Про погоду было бы некстати. В метро, как во всяком уважающем себя подземье, погоды нет. А искусственные фразочки типа: «Как ты относишься к розовым бегемотикам?» он предпочитал не использовать. В них ощущалась вымученная заученность, присущая лишь тоскливым профессиональным ловеласам. Это с одной стороны. С другой же, на такие вопросы очень просто ответить одним словом: «Никак!» и этим разом обрубить весь разговор.

Варвара, усмехнувшись, посмотрела вначале на свою сумку, затем на очкарика. Ее громадный пес оскалился, будто тоже улыбнулся.

– Нравится, говоришь? – спросила она с интонацией, которую Корнелий не совсем понял.

Ободренный Корнелий потянулся к ремню сумки, желая разглядеть ее поближе. Не успел связной коснуться его даже и пальцем, как что-то больно ударило его по запястью. Корнелий не уловил мгновения, когда девушка выхватила тесак. Так он впервые его увидел – синеватый, многослойный, отлично отточенный, кузнечной, никак не заводской работы. Правда, надо отдать Варваре должное, удар она нанесла тупой стороной. Одновременно снизу, в сантиметре от руки курьера-недотепы капканом щелкнули зубы пса.

Корнелий ошеломленно уставился на зазубрины на клинке. Если бы удар был нанесен чуть выше, он пришелся бы зазубринами.

– Ты что, перегрелась? – сердито крикнул Корнелий.

– Только попробуй еще раз коснуться, и я отрублю тебе кисть! – хладнокровно предупредила Варвара.

Корнелий понял, что это не шутка. Миг – и клинок скрылся в ножнах. Движение было привычным, быстрым, доведенным до автоматизма. Ощущалось, что повторяют его много раз в день, причем не один год.

– Весеннее обострение жадности? Я же только посмотреть хотел! Желаете сделать хорошего человека невыносимым – сделай его частным собственником, – мстительно сказал Корнелий, потирая ушибленное запястье.

Поезд дернулся, точно налетел на незримое препятствие, и резко остановился в тоннеле, так и не добравшись до «Белорусской». Варвару бросило на Корнелия, и она вынуждена была ухватиться за него. Тот чудом успел вцепиться в поручень и повис, как на турнике. Ноги оторвались от пола. Только пес устоял на четырех лапах, и даже сделал два бодрых прыжка против хода поезда.

По вагону прокатились две дачные тележки, ставшие временно самодвижущимися, и один офисный мэн с лицом упадочного римского императора, выгнанного из гостей. Бедолага проснулся минуту назад и задумчиво маячил перед схемой, пытаясь осознать, сколько кругов он нарезал уже по кольцевой.

Свет мигнул и погас. Вагон погрузился в чернильную тьму. Узкие стены тоннеля сдавили состав. Кто-то зажег фонарик и хаотично скользнул лучом по стеклам. В узком луче света синими толстыми удавами змеились кабели. В соседнем вагоне у кого-то сдали нервы. Корнелий услышал глухой удар, хруст стекла и крик. Вагонное стекло очень толстое. Лопается оно длинными трещинами. Добиться от него бодрого звона – утопия.

Тусклое резервное освещение вспыхнуло только спустя минуту. Одновременно в динамике проснулся хмурый мужской голос, совсем не похожий на тот причесанный записанный голосок, которым объявляются станции:

– Говорит машинист! Линия обесточена. Вскоре поезд продолжит движение! Сохраняйте спокойствие!

– О, приключение! – бодро сказал Корнелий. – Видишь, бояться нечего!

Варвара не разделяла его оптимизма.

– Они просекли, – пробормотала она.

– Они – это кто? – спросил Корнелий с куда меньшим энтузиазмом в голосе.

Только что он мысленно проверил возможность телепортации и озадаченно осознал, что ускользнуть, если потребуется, сможет лишь один. Вытащить Варвару ему не по силам. Верхнее Подземье не его территория.

Девушка не стала уточнять. Казалось, само существование Корнелия выскользнуло из ее сознания.

– А ну отодвинься! Добряк, следи, чтобы нам не мешали! – коротко скомандовала она, толчком локтя отправляя свою сумку за спину.

Вновь достав свой тесак, она стала разжимать двери, действуя им как рычагом. У Корнелия опять появилась возможность оценить multifunctionality этого оружия. Рапира сломалась бы тут быстрее чиха. Да и штык, которые златокрылые порой пристегивают к флейтам, пожалуй, тоже.

– Здесь есть «Экстренное открытие дверей»! – подсказал Корнелий и сразу же получил краткий ответ:

– В курсе. Но мне так не интересно.

– Вы с ума сошли! Задержите их! Они погибнут! Есть тут настоящие мужчины? – крикнула одна из дачниц.

«Настоящие мужчины» робко зашевелились, оглядываясь друг на друга. Один из них двинулся было к ним, подогревая себя покачиванием богатырских плеч, но Добряк показал клык, и герои предпочли ограничиться репликами из зала.

Разжав дверь настолько, что образовалась узкая щель, Варвара дала псу короткую команду. Пропустив его вперед, она и сама ужом нырнула в тоннель. Корнелий тоже попытался проскочить, но, поскольку Варвара уже выдернула тесак, захлопнувшаяся дверь зажевала его руку беззубыми челюстями.

Не растерявшись, Корнелий ухватился руками за поручень. Легко подтянул ноги, закинул их в открытую верхнюю часть окна и, перевернувшись на живот, скользнул по вагону вниз. Варвара боком пробиралась по узкому тоннелю. За ней бесшумно двигался угольный пес. Когда он оборачивался, выпуклые глаза отблескивали желтым.

Услышав шаги, Варвара обернулась.

– А ты чего за мной увязался, ботан?

– Корнелий имя ему! – с пафосом поправил связной.

В темноте сверкнула улыбка.

– Оставайся в поезде, Корнелий! Тебя они не тронут! Ты им не нужен!

Корнелий испытал что-то вроде профессиональной ревности. Что это за *они*, которые с легкостью останавливают поезда, которым не нужен светлый страж, но нужна девчонка с большой собакой и здоровенным тесаком? Подогревать вселенную глупыми вопросами он, однако, не стал.

– Я пойду с тобой! – сказал он.

Варвара испытующе посмотрела на него и дернула плечом.

– Иди, если делать нечего. И почаще наступай на тот короб справа! – посоветовала она.

– Зачем?

– Чтобы сразу шарахнуло, когда ток врубят. Меньше будешь мучиться.

Корнелий принял это к сведению. Тусклые огни поезда отползли назад. Теперь они шли быстрее. Шпалы под ногами едва белели. Освещение в тоннеле отсутствовало. В темноте Корнелий услышал, как Варвара открыла сумку. Что-то брякнуло. Вспыхнул большой аккумуляторный фонарь. Похоже, путешествовать в тоннелях было Варваре не в диковинку.

На глаз оценив его вес и размер, Корнелий присвистнул. Теперь понятно, почему в фильмах нередко оглушают часового ударом фонаря. С такими фонарями молоток – явное излишество. Сумка, тесак, фонарь с запасными батареями – девушка была экипирована не хуже любого диггера.

– Слушай, а ты ведь часто бываешь под землей! – сказал Корнелий с внезапным озарением человека, который к концу школы наконец разобрался, что на ноль деления нет.

Варвара кисло оглянулась на него и посоветовала активнее шевелить нижними конечностями. Метров через тридцать она остановилась, чтобы осмотреть технический лючок, в который заползали провода. Изнутри он был опутан белыми нитями плесени. Когда на нее упал свет, плесень задрожала.

– Бесполезно! Узкий! – сказала Варвара.

Черный пес вернулся, сунул в люк нос и вновь быстро побежал по шпалам, изредка попадая в луч фонаря. Варвара шагала следом. Замыкающим, часто спотыкаясь и оглядываясь на короб, спешил Корнелий. Когда фонарь удалялся, он автоматически переходил на рысь.

Что такое луч света, понимаешь только внизу, в Подземье, когда со всех сторон тебя, как конфету, обсасывает пустой и липкий рот мрака. Фонарь – единственная пуповина, которая связывает с верхним миром. Хрупкую и редкую его струйку ты готов прижать к себе, осязая и целовать, как живую. Она и есть живая. Если она оборвется – ты не просто верный труп. Ты труп, отсроченный во времени, что хуже раз в десять.

– А зачем мы пошли в сторону последнего вагона? Вдруг до «Белорусской» было ближе, чем до «Краснопресненской»? – мнительно спросил Корнелий.

– Не исключено, но вперед нельзя.

– Почему?

– Я о том отрезке пути слышала... Ни толковых ответвлений, ни залазов, ни занывров. Даже жалкий отстойник проискать можно с час. Максимум пара вентиляционных шахт. Не факт, что будет куда забиться, если поезд тронется. А он обязательно тронется, как только они разберутся, что нас там нет.

– А следующий поезд? – озабоченно спросил Корнелий. – Мы же идем ему навстречу! И если движение восстановится, то...

– А говорят еще, что все гении передохли! Я же сказала: шевели нижними конечностями! Больше молчи и быстрее топай! – кратко ответила Варвара.

– Ты можешь попытаться не грубить хотя бы три минуты? – мягко спросил Корнелий.

– А ты можешь три минуты не дышать?

– Нет.

– Вот и я не могу!

И снова в луче фонаря замелькали белые ребра шпал. Варвара не бежала, но шагала широко и решительно, шаря фонарем по стенам тоннеля. Пытаясь успеть за ней, Корнелий посбивал о шпалы носки новых туфель и отбил пальцы.

Минут через пять он ощутил вибрацию.

– Слышишь? – спросил он.

– Угу.

– Что это?

– Встречняк! – кратко ответила Варвара. – А занюра всё нет. От короба держись подальше, ботан!

– Что будем делать? Побежим назад?

– «В назаде» мы уже были. Шустрее давай, зоркоглазик!

Оглянувшись на Корнелия, она перешла на бег. Луч фонаря прыгал. Пес большими скачками неся впереди, возбужденно поскуливая. Дрожь становилась назойливее. Нечто огромное, грозное, беспощадное мчалось им навстречу, пока оставаясь невидимым.

– Мы бежим навстречу поезду! Мы бежим навстречу поезду! – неуклюже прыгая и не веря сам себе, повторял Корнелий.

– Ага! Тарань его лбом прямо под прожектор. Там самое уязвимое место! – услышал он насмешливый совет.

Пес, унесшийся далеко вперед, остановился и глухо гавкнул, точно кашлянул в бочку. Крупные собаки всегда лают неохотно, оставляя это удовольствие визгливой мелочи.

Варвара подбежала и направила фонарь. Справа в стене, утопленная на одну ступеньку, помещалась низкая четырехугольная решетка. Ее замыкал небольшой, но очень вредный с виду замок. Он висел и ехидно покачивался от вибрации. Рельсы плясали. Поезд был уже где-то совсем близко.

Корнелий еще только собирался извлечь флейту и снести его маголодией, а Варвара уже мгновенным движением извлекла из сумки внушительный гвоздодер. Тесак она на этот раз пожалела.

– Олухи! Вечно всё варят, а где не варят, там замки вешают! – сказала она сквозь зубы.

Не связываясь с самим замком, она атаковала гвоздодером одну из петель, сорвала, пнула решетку тяжелым ботинком и сразу же на четвереньках полезла внутрь. За ней, пыхтя и паникуя, нырнул Корнелий.

Пёс скользнул последним. Его черная шерсть на секунду озолотилась. Ослепляющий зрак завывающего поезда пронесся по тоннелю. Бетонные стены дрожали. Корнелий зажал руками уши. Связному света чудилось, что по затылку ему барабанят молотом. Грохот втискивался не только в уши, но и в легкие. Все тело сотрясало.

Поезд уже промчался, а Корнелий все еще жадно заглатывал воздух, уткнувшись лбом не то в бок пса, не то в подошву высокого ботинка Варвары.

– Ты как? Очки не потерял? Иногда бывает, что и волной одной убивает. Как-то вылезла я, где электрички на Мытищи ходят. А там два пацаненка банки на рельсы подкладывают. Поезд близко промчался, и их волной шарахнуло. Один встал, а другой лежит. Мертвее мертвого, а на теле ни одной раны! – услышал Корнелий голос из темноты.

Одновременно он почувствовал, что колени и кисти у него увязают в жирной грязи, похожей на мелкие черные водоросли. Грязь эта казалась вполне живой и покрывала не только пол тоннеля. Она была и на стенах, и на потолке. Вонь здесь стояла не то чтобы невыносимая, но глухая, безнадежно-вечная и, по всем признакам, невыветривающаяся.

Ботинок, в который упиралась голова Корнелия, нетерпеливо дернулся, толкнув его в макушку.

– Вылезаем! До следующей громыхалки минут пять. Надо поискать заныр попримичнее.

– Может, не надо вылезать? – робко сказал Корнелий.

Он готов был сидеть и тут, как улитка в раковине. Только бы не бежать дальше навстречу поездам.

– А что нам делать в водостоке? Устриц разводить? – удивилась Варвара.

– А если вперед проползти?

– Куда? Внизу окажется коллектор для стока в подземную реку, и больше ничего. Тут всякие газы часто скапливаются. Траванешься – я потом тебя не вытащу. Да и пытаться не буду. Разве что очки захвачу на память.

Корнелий послушался и не пожалел об этом. На этот раз им повезло сразу. Метров через двести им встретился полукруглый бетонный закуток, в котором помещался наглухо закрытый распределительный щит. Не слишком высокий, примерно по пояс. Несколько толстых черных проводов изгибались и воровато ныряли в него.

Черный пес легким прыжком перемахнул щит сверху и кашлянул приглашающим лаем. Сразу за щитом начиналась сварная железная лестница. Варвара повернула к Корнелию перепачканное лицо, улыбнулась и внезапно резко ткнула его локтем под ребра. Корнелий согнулся.

– Не понял за что, зоркоочкарик? Профилактика психологических расстройств! Болтай ты чуть меньше – мы дошли бы сюда раньше и не торчали бы в водостоке! Улавливаешь закономерность?

Закономерность связной света удавливал, но вот с методами обучения был категорически не согласен.

Прогромыхав по лестнице с два пролета, они уткнулись в узкую вертикальную шахту, выложенную кирпичом. Вежливо посоветовав Корнелию «убрать бошку», Варвара вскинула фонарь. Луч поднялся метров на десять, рассеялся и заблудился. Шахта казалась бесконечной. По стенке шахты стекала тонкая струйка воды.

Варвара сплюнула сквозь зубы.

– Блин! Засада! Бывают же такие уроды! – сказала она, пиная кирпич ботинком.

Корнелий непонимающе покосился на нее. Заметив железные скобы, он подпрыгнул и, повиснув на одной, убедился, что они прочные. Вскарabкаться по скобам можно было без особых хлопот. На всякий случай он проверил еще несколько.

– Полезли! Давай скорее! – бодро крикнул он, глядя вниз на смотревший прямо ему в глаза круг фонаря.

– Вот сам и шустри куда хочешь! – с досадой ответили ему из темноты.

– Ты чего?

– А своя голова не работает? Мой пес весит сто четырнадцать килограммов. Взгромоздить его на плечи? Или, может, затолкать в сумку?.. Придется возвращаться и искать другой заныр. Я Добряка не брошу!

Корнелию стало неловко. Он разжал руки и спрыгнул на битый кирпич.

– Извини, я болван! – сказал он.

Варвара кивнула.

– Извиняю тебя, болван! – сказала она, явно провоцируя.

Корнелий подавил в себе сильное желание шарахнуть ее маголодией.

– Ну что, идем обратно? – спросил он преувеличенно бодро.

Пес насторожил уши и негромко зарычал в темноту, точно предупреждая о чем-то. Черные губы вновь поползли вверх. Варвара нахмурилась и непроизвольно коснулась ладонью рукояти тесака.

– Нет! Ни за что! – сказала Варвара.

Теперь она смотрела то на свою сумку, то на Корнелия, словно проверяя, насколько они достойны друг друга.

– Что нет? – не понял связной света.

– Со мной ты не пойдешь!

– Почему?

– Без тебя я выберусь скорее!

Как ни печально Корнелию было в этом сознаваться, он ощутил, что так и есть.

– Ты полезешь здесь! – решительно продолжала Варвара. – Скоро будет проход в бетонную такую будку. Они обычно торчат где-нибудь у шоссе посреди газона. Вентиляция шахт. Двери там нехилые, их не откроешь, но можно попытаться скovyрнуть решетку. Я дам тебе гвоздодер. Он у меня лучше любого лома. Если с гвоздодером не получится, начинай тупо орать жалобным голосом! Рано или поздно тебя освободят, но уже с неприятностями.

Корнелий машинально взял гвоздодер и стал заправлять его под ремень.

– Это еще не все! Не вертись!

Луч фонаря съехал влево. Корнелий ощутил, как на плечо ему повесили сумку. Ту самую, за попытку прикоснуться к которой ему не так давно едва не отсекли кисть. Она оказалась неожиданно тяжелой.

– Если ты уж увязался, сохрани это! Только попробуй где-нибудь бросить или потерять – я заставлю тебя слопать твои очки! Натурально слопать, со стеклами! – без тени юмора предупредила Варвара.

Корнелий благоразумно предпочел не акцентироваться на гастрономических подробностях.

– А что в сумке?

– Неважно. Главное: пока она у тебя, мне они ничего не сделают. Ну я, во всяком случае, так думаю.

– А как я тебе это верну?

– Я сама тебя найду! Скажи только где.

Корнелий продиктовал адрес квартиры Эссиорха. Варвара повторила.

– Если придеешь и откроет такой здоровенный в кожаной куртке – это мой слабоумный старший брат. Будет глупо улыбаться и интересоваться насчет телефончиков – можешь ему сразу врезать. Он по-хорошему все равно не понимает, – сказал он.

Варвара рассеянно кивнула. Она запоминала адрес. Убедившись, что память держит его цепко, она подтолкнула Корнелия к скобам и опустила луч фонаря в самую землю, чтобы он не был замечен издали. Секунду спустя она и черный пес исчезли во мраке. Корнелий услышал, как звякнула лестница и всё стихло.

Он остался в кромешной темноте. Неосторожно шагнул, стукнулся лбом и панически стал ощупывать стены. Корнелию чудилось, что он погружен в банку с маслянистой черной краской. Хоть бы искра где-нибудь брезжила! Ничего и нигде.

Это была не та условная, нервно-уточенная темнота, которая бывает ночью в комнате – с серыми неясными тенями, шорохами и кружевными призраками тюлевых штор. Тут царил иной мрак – глухой, равнодушный и пожирающий мрак Верхнего Подземья. Лишь капли воды с равномерными интервалами разбивались о бетон.

Даже представить было жутко, что испытывает диггер-одиночка, случайно разбивший фонарь или оставшийся без запасных батарей. Вот он стоит и понимает, что за ним сюда никто не придет, а вокруг километры каменного лабиринта, ям и трещин.

Вспомнив о флейте, Корнелий достал ее и поднес к губам. Он немного нервничал, и магология получилась только со второго раза. Забрезживший слабый свет окутал его, разгоняя мрак примерно на метр в каждую сторону. Различив скобу, он подпрыгнул и быстро полез вверх.

Корнелий карабкался и считал скобы. К тридцать пятой он начал слегка задыхаться. К пятидесятой закружилась голова. Он остановился, перестал лезть и с минуту отдыхал, пытаясь не представлять, на какой он высоте. На семьдесят второй скобе он потерял туфлю. Зацепился, сам себе наступил на носок и не успел подхватить. Туфля сгнула совершенно без звука. Спускаться за ней Корнелий не стал, хотя и было жалко.

Еще скоб через двадцать лестница закончилась, и Корнелий животом выбрался на ровную площадку. Здесь он обнаружил гниющий матрас, несколько расплывшихся в цветную кашу журналов и молодую, с розовым хвостом крысу, смотревшую на него без страха и любопытства. Корнелий топнул на нее ногой. Крыса не испугалась, но всё же на всякий случай удалилась, часто оглядываясь, как отрешенный от житейской суеты интеллектual при встрече с буйным и беспокойным дураком. Сверху двумя ручейками втекал слабый и синеватый ночной свет, и шло пролета четыре лестницы без перил.

Где-то рядом мерно гудел вентилятор, однако дуло не сказать чтобы очень сильно. Моргать, правда, приходилось часто. Глаза пересыхали. Их забивало непрерывно сыпавшимся сверху мелким мусором.

Поднявшись, Корнелий некоторое время безуспешно провозился с гвоздодером, прищемил себе палец, сдался и прибегнул к помощи флейты. Шагнув наружу, он прищурился от яркого света.

Грязный и потный, с поцарапанными ладонями, без одной туфли, с штанинами мокрыми выше колена, он стоял у бетонной будки недалеко от моста. Внизу, в нескольких метрах, проносились машины. Позади, через узкий асфальтовый перешеек, тянулся длинный, сталинской постройки дом. Во всем доме горело окна три, не больше.

Сумка, врученная Корнелию на хранение, оттягивала плечо. Он с легкой досадой толкнул ее коленом, и тотчас услышал раздавшийся из сумки негодующий звук. Корнелий некоторое время поколебался, но, вспомнив, что не давал клятвы, открыл ее.

В сумке он обнаружил большой пакет с сухарями, порезанными крупно и довольно неаккуратно, но зато круто посоленными; длинную веревку, плоскогубцы, ручную дрель, пару зажигалок, фляжку с водой, набор отмычек и толстые рабочие рукавицы. Одна из рукавиц была значительно тяжелее другой. Перевернув ее, Корнелий осторожно вытряхнул на ладонь что-то круглое. Поднес к свету и присвистнул.

На ладони у него лежала отбитая мраморная голова.

Размером голова была примерно с кулак взрослого человека. Скол наискось проходил по шее и захватывал часть ключицы. Короткий нос, впалые виски, четкие завитки каменных волос – все это было почти прекрасно, но по непонятной причине мраморная голова произвела на Корнелия отталкивающее впечатление.

Он напрягся, пытаясь сообразить, что вызывает у него такое чувство и вдруг понял. Рот. Длинный, тонкогубый, старческий, он провисал краями вниз, придавая голове сходство с лягушкой.

Внезапно веки поднялись, и Корнелий увидел стылую пустоту. Точно смотришь в темный колодец и понимаешь, что камень никогда не долетит до дна.

Жабы губы разомкнулись.

– Назови мне своё имя, незнакомец! – произнесла мраморная голова пограничным голосом, который мог принадлежать как взрослой, чуть охрипшей женщине, так и юноше-подростку.

– Демосфен я! – сказал Корнелий.

– Теперь я знаю твое истинное имя, Демосфен! Берегись, несчастный! Твоя жизнь в моих руках!

Корнелий застучал зубами сначала сильно, а затем подумал, что может отколоться эмаль, и поубавил рвения.

– Пожалуйста, не убивай меня! Ты кто? – взмолился он.

– Я не КТО, а ЧТО, – назидательно поправила каменная голова.

Глава 4

Mutatis mutandis¹

Убитых им (дядей) на дуэлях он насчитывал одиннадцать человек. Он аккуратно записывал имена убитых в свой синодик. У него было двенадцать человек детей, которые все умерли в младенчестве, кроме двух дочерей. По мере того как умирали дети, он вычеркивал из своего синодика по одному имени из убитых им людей и ставил рядом слово «квит». Когда уже у него умер одиннадцатый ребенок, прелестная умная девочка, он вычеркнул последнее имя убитого им и сказал: «Ну, слава Богу, хоть мой курчавый цыганеночек будет жив».

М.Ф. Каменская «Воспоминания» (о графе Федоре Толстом)

Ната осторожно отняла ладонь от носа. Против ожидания крови на ладони не наблюдалось – только две небольшие капли. Дверь, которую захлопнул барон мрака, еще дрожала.

– По-моему, Арей тоскует без Мефа, – сказала она.

– Подчеркиваю! С чего ты решила? – деятельно уточнил Чимоданов.

Он сидел на полу и озабоченно ощупывал отшибленное бедро. Будь удар нанесен боевым клинком, он уже истек бы кровью. Чимоданов давно усвоил, что любая рана в ноги зачастую опаснее раны в корпус. Слишком много там проходит крупных кровеносных сосудов.

– Ему некого бить, и он колотит нас утром и вечером, каждый день, – пожаловалась Ната плаксиво.

– Может, всё-таки тренирует?

– Сплошными спаррингами? Один на один, один против двоих, мы все против него?

– А ты какие тренировки хотела?

– Спокойное что-нибудь, с теорией, с записями в тетрадь, – мечтательно сказала Вихрова. – Как называется тот удар, как называется этот... Тесты всякие. Ну там какое спортивное оружие имеет вес до 770 г, клинок длиной до 90 см треугольного сечения и круглую гарду диаметром не более 13,5 см?

– Телескопическая дубинка? – лениво предположил Чимоданов, которому лень было опознавать шпагу.

В любом случае Вихрова куда чаще пользовалась рапирой, утверждая, что от шпаги у нее руки отвисают и становятся длинными, как у обезьяны. И это при том, что разница в весе между рапирой и шпагой всего в двести граммов.

– Разве можно бить девушку по лицу? – продолжала бунтовать Вихрова.

– Он тебя не бил по лицу. Только показал дыру в защите. Показал же, да? – привычно засомневался Мошкин.

В голосе у него ощущалось довольство. Сегодня он дважды достал Аррея шестом в схватке один против троих. В первый раз, когда тот слегка подвис, атакуя Чимоданова, а во второй случайно, когда, лихорадочно отступая, наносил шестом предупреждающие сближение тычки.

– Ну да... Тебе хорошо говорить! Знай только держи дистанцию и долби! Это тебе любой дурак скажет, что из двух детсадовцев больше дерется тот, у кого лопатка длиннее, – пробурчал Чимоданов.

Хотя он и часто поддевал Мошкина, на самом деле же относился к нему дружески. Во всяком случае, настолько, насколько вообще был способен на это чувство. Во многом происходило это потому, что они были абсолютно разные, а умения их и таланты не пересекались.

¹ С соответствующими изменениями (лат.).

Единственный универсальный принцип мужской дружбы – дружба, в которой каждый признает главенство другого в чем-то. Один – главный по всему, что имеет руль и тормоза, другой – признанный спортсмен, третий – эрудит, знающий, как звали тещу императора Нерона, четвертый, допустим, дальше других плюет вишневыми косточками.

– А что у него за портрет в кабинете появился? Раньше вроде не было, – неожиданно спросил Чимоданов.

– У Арея? Какой портрет?

– Телка в старинном платье, довольно не уродливая, и рядом девчонка. Девчонка к ней жметесь, типа ща нас замочат! – а та ее по башке гладит, – сказал Петруччо.

У него было странное свойство: всякий раз, как он бывал чем-то тронут, он становился нарочито грубым. Защитным цинизмом заглушал всякое ненормированное движение сердца.

– Это дочь и жена Арея, – насмешливо глядя на него, сказала Ната.

Она знала все и всегда, хотя внешне и притворялась рассеянной.

– Которых убил Яраат?

– У него других и не было, – подтвердила Вихрова. – Как ты там сказал? Телка в старинном платье? Ща нас замочат?

Чимоданов прикусил язык и пугливо осмотрелся. Если бы в этот момент со стены сорвалась одна из двух висевших алебард и надвое развалила бы ему голову, он бы счел это вполне закономерным.

Он был не то чтобы осёл. Просто слишком долго маскировался, а когда хотел врубить заднюю передачу, оказалось, что шкура уже приросла. Так и остался вроде умник, но с кло-чьями ослиной шерсти.

Петруччо мало склонен был копаться в себе. Служба мраку его вполне удовлетворяла. Лишь изредка возникало ощущение, точно он сел не в свой автобус, а когда опомнился, отъехал так далеко, что возвращаться не имело смысла.

Покинув фехтовальный зал, появившийся в подвале резиденции на Большой Дмитровке несколько месяцев назад не без участия пятого измерения, служащие мрака поднялись наверх. Улита прохаживалась по пустой приемной с унылым видом. Заметив их, она подошла к столу и энергично хлопнула печатью по первой из подвернувшихся бумажонок.

– Тоскливенько! Суицидненько! Прямо не апрель, а ноябрь какой-то недоношенный. Кто-нибудь, кроме меня, еще собирается вкалывать или других трудоголиков на складе не нашлось? – поинтересовалась она.

Секретарша русского отдела мрака тренировалась в последнее время нечасто – раза три в неделю. Не то чтобы внаглую отлынивала, но находила постоянные убедительные отговорки. То ей надо было принимать отчеты, то, используя арендованный асфальтовый каток, учить комиссионеров деловой порядочности, то ехать с Мамаем на другой конец Москвы за кожей для пергаментов.

Арей на уловки не покупался.

– Когда у кого-то находится слишком много уважительных причин, это подозрительно. Истинно занятый человек всегда свободен. Хочешь быть смертницей – будь ей, – говорил он.

Улите было всё равно. Она и без того ощущала себя смертницей. В глазах у нее стояла зимняя тоска, а на сердце была осенняя слякоть. Было ли это как-то связано с Эссиорхом, или ее тяготило двойственное и выпивающее душу положение ведьмы, никто не допытывался. Главное, что чувства юмора она не потеряла. Только им и спасалась.

Чимоданов сел за стол и попытался по-хоямчьи зарыться в бумажки, однако желания работать у себя не обнаружил. Настроение было нелопатное. Он зевнул до щелчка челюстей и поинтересовался у Улиты, что нового в главной конторе. О чем сплетничают джинны, принимающие под роспись инкассаторские брезентовые сумки с эйдосами?

Улита лениво присела на край стола Петруччо.

– В Канцелярии Тартара все на ушах. Один из мелких крысенышей счел себя обиженным. За очередное тысячелетие службы ему вместо пятидесяти нормальных премиальных эйдосов выдали пятьдесят гнилых! Крысёныш обозлился и решил отомстить. Он выкрал у Лигула нечто важное, к которому имел должностной доступ, и попытался скрыться в человеческом мире.

Глазки у Чимоданова загорелись.

– Что, серьезно? Не врешь? А почему он не телепортировал?

– Телепортировать вместе *с этим* он не смог, и потому бежал через Хаос. Пропажи хватились сразу, а так как исчез и канцелярист, то концы увязались быстро. Выслали в погоню Черную Дюжину. Настигнуть его удалось только в Верхнем Подземье.

– Убит, конечно? – с относительной уверенностью спросил подошедший Мошкин.

– Покончил с собой, предварительно разбив свой дарх и попытавшись растоптать все эйдосы. Разумеется, Черная Дюжина всё равно их собрала и присвоила, – уточнила Улита.

– Хм... А что он украл, нашли?

– Нет, хотя тело обыскали тщательно. Должно быть, успел избавиться. Подозревают даже, что вор, когда почувствовал погоню, мог разбить *это* на части и попытаться спрятать по отдельности.

– А совсем уничтожить?

– Невозможно. Самое большее расколоть на две-три части.

В дверь робко заскреблись виноватым котиком. Это шеф-повар, некогда отдавший в залог свой эйдос, привез в фургончике еду. Горячий обед отдувался жаром. Круглый повар тоже отдувался, но уже от беспокойства. В последний раз Улита пригрозила, что если котлеты снова будут холодные, то она собственноручно перекрутит его на фарш. И вот теперь котлеты были точно из недр вулкана. Есть их было невозможно.

– Лучше б не угрожала! – пробормотала Улита.

Пока повар оставался в резиденции, к скользкому разговору благоразумно не возвращались. «Не выноси сора из избы! Самим меньше достанется!» – любил повторять Арей.

Чимоданов питался очень своеобразно. Вначале выедал глаза у яичницы, затем говорил, что вообще-то сыт, а потом съедал все без остатка. Рядом с его тарелкой обычно сидел Зудука и, дожидаясь, пока хозяин отвернется, пытался подсыпать соли или перца. Когда он окончательно надоедал, Петруччо сажал его в кастрюлю, прижимал крышку чем-нибудь тяжелым, и Зудука сердито булькал внутри.

– Надоели вы мне все со своей любовью! Слушать противно, – ближе к концу обеда внезапно взбrehнул Чимоданов.

Улита перестала есть и медленно подняла одну бровь. Насколько она помнила, о любви никто и не заикался.

– Ау, родной! Очнись! Ты похож на болящую старушку, которой всюду мерещатся целующиеся парочки, – сказала она.

Чимоданов ткнул в Мошкина пальцем.

– Это всё он! Он знает! – произнес Петруччо.

Мошкин побагровел. Он и в самом деле не выдержал и заговорил с Петруччо о любви. Просто не с кем больше было. Правда, случилось это еще утром. Хотя до Чимоданова многое доходило, как до жирафа. Бывали случаи, когда он принимался отвечать на вчерашние и даже позавчерашние вопросы.

– Ну хорошо. Вернемся к любви. И что именно вам противно, многоуважаемый? – вежливо спросила Улита.

– Ну что тебе подходит единственный человек в мире и если пропустишь его, фигово будет. Так, что ли? – насмешливо спросил Петруччо, косясь на Мошкина.

– Примерно, – осторожно согласился Евгеша.

Как раз это и было утренней темой.

– Чушь насчет единственного. Если начерно прикинуть, какое там население России? Сто сорок миллионов плюс-минус? Так?

– Так.

– Человек живет в среднем семьдесят лет? Верно?

– Допустим.

– Сто сорок делим на семьдесят. Значит, на год жизни приходится два миллиона голов. Выходит, наших ровесников, семнадцатилетних, худо-бедно два миллиона. Если считать, допустим, от пятнадцати до двадцати лет, с запасом, то и все десять миллионов. Но пусть будет даже два миллиона, шут с вами! Из них девушек половина, то есть миллион. Девятьсот пятьдесят тысяч (опять же с запасом!) отбракуем – ну там обе ноги левые, фигура как у шахматного коня или характер скверный.

– У тебя зато прекрасный! А фигура как у шахматного осла: конем даже и не пахнет! – не выдержала Ната.

Чимоданов не стал спорить. Ему важно было досказать мысль.

– Вот и получается – пятьдесят тысяч единственных и неповторимых. Даже если ты нравишься каждой десятой, то эти пять тысяч твой стратегический запас. Так или не так?

– Нет, дорогуша! Не так. Ты и каждой тысячной не понравишься, да дело даже и не в том! – сахарным голосом сказала Улита.

– А в чем? – озадачился Чимоданов.

– В твоих поисковых запросах, – отрезала ведьма. – Ежу понятно, что чем проще запрос, тем больше вариантов! Я сто раз уже об этом говорила. Если тебе нужен просто брюнет – вариантов миллион. Если же брюнет со стеклянным глазом и деревянной ногой, играющий на рояле и любящий на завтрак волнистых попугайчиков, вариантов оказывается нуль целых фиг десятых. Вот и получается, что такая амеба, как ты, Чимоданов, пару найдет всегда, а девушка с претензиями, не желающая лопать, что дают, не найдет её никогда. Усвоил?

– Меня брюнеты со стеклянным глазом... – горделиво начал Петруччо, однако его взаимоотношения с брюнетами так и остались непроясненными.

Послышался старческий кашель, и в приемной появилась Мамзелькина. Деловито шаркая, она подошла к столу и остановилась, опираясь на зачехленную косу. Маленькие щечки в узелках жилок полыхали.

– Ну! Здоровы будете, хозяева дорогие! – сказала она с особой намекающей интонацией.

Улита сразу вскочила и вернулась с кружкой, в которой плескала медовуха. Это была дань, за которой Аида Плаховна регулярно являлась на Большую Дмитровку.

У Мошкина кусок застрял в горле, когда старушка многозначительно пожелала ему приятного аппетита.

– Хорошо жуй, милоч! Радуйся! Я ведь многих жующих видела, по работе-то. Ест себе человек как ни в чем не бывало, зубочисткой ковыряет, ротик салфеткой утирает... А скажи ему, что обедец-то последний, небось передернулся бы, – сказала она жалостливо и погладила Мошкина по голове сухой ручкой.

Нервный Евгеша уронил вилку.

– Обмельчали люди! – продолжала Мамзелькина. – Меня вон и то боятся! А чего меня бояться? Я что, страшная? Вот ты скажи! Страшная я?! – высохший палец ткнул в Вихрову.

Ната поспешно замотала головой.

– Н-нет!

– Вот видишь! Правильно девушка говорит: не страшная! Она-то толк знает! – успокоилась Мамзелькина. – Двести годков назад человек-то как умирал? Придешь за ним, а он письмо пишет. Вдохновенный такой, в белой рубахе, свеча на столе горит. «Ну что, скажешь, родной? Расписался ты что-то. Идем, пора, дуэль у тебя!» Он кивнет и в путь. Глядишь, и часу не прошло, а уж ухлопали молодчика... Или на бранное поле придешь, а там батальон под огнем.

Сидят на травке, шутят, покуривают, приказа дожидаются, а вокруг ядра лопаются. И ни в одном ни капли страха. Прямо коса не поднимается!

Мамзелькина отхлебнула медовухи и закашлялась. В узеньких глазах появилась влага.

– А сейчас что? Вот чикну сейчас, к примеру, тебя. По ошибке! Пущай потом премии лишают! – пальчик нацелился в задрожавшего Петруччо. – Ей-ей, чикну! Так ведь орать будешь, пищать, отговариваться! Дела, мол, у тебя, квартира без ремонта, за машину задаток дал.

– Нет у меня машины и квартиры! Вы меня с кем-то пу... пу... пу... – лязгая зубами, выговорил Чимоданов.

Увлечшаяся Мамзелькина его не услышала. Она нашарила косу и нехорошо потрогала брезент. Мутный взгляд скользил по шее Петруччо, будто примериваясь для удара. Чимоданов гибко, как змея, соскользнул со стула и спрятался под стол.

Довольная Мамзелькина задрезбезжала смешком, как треснутая копилка.

– Ну и дурак! Осел потому что! Живешь, а не знаешь, что смерти нет.

– Как нет?

– А так и нет! Я есть, а смертушки нету. Понял загадку?

Петруччо замычал под столом. Аида Плаховна вздохнула.

– Вылезай! Пошутила я! Пословица у меня такая: с косой не пошутишь, на кладбище не похихикаешь!

Мамзелькина допила медовуху и поставила кружку на стол. Звук от кружки был отчетливый, сухой, точно финальная точка. Она посмотрела на Улиту и, мгновенно переключившись, стала деловитой:

– Арей у себя?

Улита подтвердила, что у себя.

– Как у него настроение?

Ведьма качнула руками, точно чашами весов.

– Неважное.

Аида Плаховна удовлетворенно кивнула. Она больше не притворялась пьяной.

– Сейчас взбодрим! – пообещала она, со звуком старого наждака потирая сухие ладошки.

В приемной мрака запахло хризантемами. Мамзелькина дернула лямку рюкзака и зашаркала к кабинету на стреуголенных старостью ножках. Едва дверь закрылась, Улита, Чимоданов и Ната, переглянувшись, кинулись следом: подслушивать. Не прошло и десяти секунд, как брошенный Ареем метательный нож пробил дерево насквозь. Начальник русского отдела мрака отстаивал свое право на конфиденциальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.